

АНТОН ЧИЖ

ФОРМУЛА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ФОРМУЛА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
АНТОНА ЧИЖА

Антон Чиж
Формула преступления
Серия «Родион Ванзаров», книга 4
Серия «Формула преступления
Антон Чиж. Исторические
детективы (the best)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3261145

Формула преступления: маленькие детективы / Антон Чиж: Эксмо;

Москва; 2022

ISBN 978-5-04-160750-0

Аннотация

Пока искалеченный в погонях за преступниками коллежский секретарь Родион Ванзаров приходит в себя, его напарник и друг криминалист Аполлон Лебедев вспоминает самые «горячие» детективные расследования, которые они провели вместе. Полиция, словно исповедник, становится свидетелем самых страшных человеческих грехов: под личиной тихого обывателя может скрываться чудовище. Вот убийство на фоне противоестественной половой склонности; вот мертвый муж встает из могилы, чтобы отомстить распутной жене-баронессе;

а вот пир во время чумы, когда красивейшего мужчину убивают в разгаре празднества...

Рискуя жизнью. Ванзаров и Лебедев окунаются в пучину порока, чтобы восстановить справедливость! Российская империя может спать спокойно.

Содержание

Вступление	6
Из наслаждений жизни	14
Пир чумы	70
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Антон Чиж

Формула преступления

© Антон Чиж, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе.*

Александр Пушкин

Вступление

– Скучно, Аполлон Григорьевич! – сказал молодой человек, утопая в воротнике по самый подбородок. Гражданский мундир Министерства внутренних дел был явно велик, отчего сидел на нем мешковато.

– Что делать, Николя, таков нам положен удел... – Грудь его собеседника облекал шерстяной пиджак модного покроя с бутоньеркой в петлице, а шею поддерживал накрахмаленный воротничок с шелковым галстуком синеватого отлива. – Судьба, она как продажная... к-хэм, ну не важно кто... В общем, чем больше просишь, тем меньше получаешь, да. Так что следует брать ее за горло, и...

Как именно надо поступать с судьбой – осталось неизвестным, так что в мировой философии образовалась солидная дырка. Окончательно заплутав в закоулках мысли, блестящий господин полез за серебряной вещицей, необходимой в трудную минуту. И припал к источнику утешения.

Николя облизнулся:

– Холодно что-то. Коньяком не угостите?..

Отпустив фляжку, Аполлон Григорьевич занюхал чьей-то косточкой, подобранной среди лабораторных склянок.

– Ус не дорос, – ответил он с душевной теплотой.

И правда, под Колиным носом усы только собирались пробиться, а вернее, решали сделать это в будущем году или по-

годить. Стерпев обиду, за которую с кем угодно разругался бы вдрызг, Николя отвернулся в ночь.

Из тьмы налетали хлопья снега, липли к стеклу обрывками привидений и таяли зыбкими льдинками. За окном выло и свистело, словно орды зла пытались свергнуть на гранитную мостовую особняк Департамента полиции, перепутав его с замком Добра.

Не найдя в темноте ничего занимательного, Коля обратился к свету. То есть помещению, где просиживал который час. Посмотреть было на что.

Всякий день сюда доставляли разнообразные вещи, среди которых попадались ножи и кастеты, пули и патроны, куски тел и человеческие органы, яды и снадобья, битая посуда и порченная ветошь, ну и не менее полезные штучки. Все это копилось и копилось в немыслимых количествах. Богатством, при виде которого любая женщин упала бы в обморок, не пожелав возвращаться к жизни, владел великий, без всякого сомнения, криминалист Лебедев.

Да вы его знаете! Невозможно забыть эту удивительную фигуру, хоть раз заметив. А попав под раскатистые громы голоса – тем более. Лебедев представлял собой редчайшую смесь безудержного бахвальства с неисчерпаемым оптимизмом, научным талантом и бешеным трудолюбием. Женщины и барышни теряли остатки воли, подпав под его убийственное очарование. В общем, не человек – легенда.

Однако нынче Аполлон Григорьевич не был похож на се-

бья, меланхолически разглядывая потолок, на котором застыли следы удачных взрывов и буйных пожаров. Даже эта веселая картина его не радовала. Пребывал он в состоянии совершенно ему чуждом, а именно: тихой печали. Кислое настроение хозяина непонятным образом передалось лаборатории-кабинету. Загрустили реторты и пробирки, зачахли микроскопы и горелки. Безымянный череп тосковал пустыми глазницами. Даже краски анатомических плакатов и снимки трупов словно заскучили. Нерадостная, в общем, царила обстановка.

Николя ощутил, что еще немного, и сам завоет и заплачет от тоски.

– Что же мы с вами теперь делать будем? – осторожно спросил он.

– Уныние – это грех. И грех смертельный, да. Вам, как светлому будущему нашего сыска, тем более непростительный.

– Что мы... что я без Ванзарова...

Лебедев помолчал, быть может, оценивая себя по той же мерке.

– Никакого «без» быть не может. Родион в лучших руках, стая профессоров от него не отходит, – сказал он. – Я верю: все будет хорошо.

– А вдруг... уже?

– Подтяните нюни, Гривцов, чай, не баба, чтобы слезы лить! Еще накаркаете... – Отъявленный материалист и ци-

ник аккуратно поплевал за левое плечо.

Поддержав ритуал, Коля усердно заплевал чье-то вещественное доказательство. И поделом: валяется где ни попадя.

Через силу зевнув, чтобы изобразить спокойствие, Лебедев потянулся до хруста мышц.

– А вот ждать – нет ничего хуже. Чем бы заняться? Хоть в шашки вас обставить или поучить уму-разуму, что ли...

Николя аж подпрыгнул:

– Ух ты! Научите!

Невольно возник вопрос: уж не поторопился ли Аполлон Лебедев взять под крыло этого птенца? Уж не глуп ли мальчик?

Но мальчик вовремя опомнился, положил руки на колени, как прилежный гимназист, и вытянулся в струнку.

– В сыщики намылились, а простейших вещей не знаете, да.

– Не знаю! – согласился Коля. – Научите!

Из глубин походного чемоданчика явился предмет, наводивший ужас на все Министерство внутренних дел, а порой и корпус жандармов. Лебедев курил такие яростные никарагуанские сигарки, что от их дыма биологическая жизнь сворачивала к неизбежному концу. Недаром в его обители не было ни комаров, ни мух в самую жару.

Съездившись, Гривцов изготавился сносить чудовищный запах. Уж больно хотелось стать великим сыщиком, как...

– Какое главное качество сыщика? – спросил Лебедев, по-

игрывая сигаркой, словно опасной бритвой.

– Умение угадывать?

– Гадают на Святках или на кофейной гуще, а в полиции... Вот вам пример. Как-то весной 1888 года отправили меня в Одессу, где случилось убийство некоего Трепова – важного городского чиновника. Поставили на уши всю полицию, но никого не нашли. Я провел экспертизу, изучать ее, конечно, не пожелали. Зато лихие головы вызвали из Англии некоего Шерлока Холмса¹. Господин этот побродил вокруг да около и нашел виновника. Местные полицейские даже охнуть не успели, как убийца давал признательные показания. Мистер Холмс взял гонорар, довольно солидный, ничего не объяснил и отбыл на пароходе к себе на остров. Характер у него был вздорный, на всех смотрел свысока, вида чудовищного – нос как у хищной птицы, баловался морфием и кокаином. Постояльцев гостиницы донимал пиликаньем на скрипке. Но дело-то раскрыл. Знаете почему?

– Везенье?

– Гривцов, не в карты играете. И в картах везенья никакого, одна техника рук... Мистер Холмс внимательно ознакомился с моими выводами и применил логику. Правда, называл ее «дедуктивным методом». Понимаете?

Коля приободрился, словно вытянул знакомый билет.

– Дедуктивный метод мы проходили на уроках алгебры.

¹ Сведения подтверждает биограф мистера Холмса доктор Ватсон в записках, названных «Скандал в Богемии».

Он заключается в том, что...

– Сейчас выгоню, – ласково пообещал Лебедев, и фонтанчик красноречия заткнулся сам собой. – Какая алгебра? Людей надо знать! Знать и изучать логику их поступков. Лет десять попрактикуетесь – и поймете, что преступником управляет.

– Злоба?

– Страстишка куда более сильная: выгода.

В цветущие семнадцать лет Коля не был готов узнать, что секрет мастерства банален, как вареное яйцо. Нутро юного рыцаря, а по натуре он был рыцарь, только опоздавший родиться веков на десять, протестовало против скучной правды.

– Так просто? – сдержанно спросил он.

– Пока придете к такому выводу – много дряни нахлебаетесь.

– Неужели Ванзаров только этим методом пользовался?

Выдержав многозначительную паузу, Аполлон Григорьевич с неохотой ответил:

– Ну, почти.

– Не верю.

– Что?!

Храбро зажмурившись, Николая повторил:

– Не верю, чтобы Родион Григорьевич одну выгоду искал. Хоть гоните – не верю.

– Не верите, значит?.. И правильно делаете...

Гривцов совершенно растерялся:

– То есть как?

– Как в жизни, юноша: нельзя знать, что происходит на самом деле, пока не доберешься до сути.

– Эх, дали бы мне только дело, уж я бы так добрался, все вверх дном перевернул, до каждой причины докопался, как Ванзаров... – размялся юный чиновник полиции. Никола имел самый нижний чин, а потому бегал по поручениям всего полицейского участка. Вместо того, чтобы гоняться за преступниками. Или хоть за жуликами.

Метким броском сигарка отправилась в реторту.

– Значит, готовы копать не покладая рук? – спросил Лебедев. – А хотите профессиональное пари? Условие простейшее: излагаю историю, которую мне сам Ванзаров рассказывал, и если под конец определите, кто виновник, то...

– Я согласен! – вскрикнул Никола.

– ...угощаю великолепной сигарой.

– А если не угадаю?

– Отменный щелбан. Ну, как? Проверим на прочность ваш лоб, то есть талант?

Еще неизвестно, что лучше: синяк или мучительная агония. Но выбора не осталось.

Коля принял вызов.

Закинув ногу на ногу, от чего роскошные ботинки сверкнули глазом ворона, Аполлон Григорьевич пока отложил сигарку и сказал:

– Вот и отлично. Хотя время с пользой уьем... Так, что бы вам такое предложить легонькое для начала... А!.. Вот, к примеру, был такой случай...

Из наслаждений жизни

...Среди тайн мироздания одна совершенно неразрешима: чего хотят женщины. Прочие загадки неизбежно падут под натиском разума. А криминальные – тем более. Пронзая преступление, как вилка – пюре, логика выковыривает тайну, что косточку из вишни. Любой хитрец перед атакой мысли спасует. А если хорошенько приложить его знанием человеческой натуры, то уж спасайся, кто может. Под пятой разума треснет любое преступление, как гнилой орех. И лучше быть ему покрепче, чтобы разуму нашлось где потоптаться, то есть – развернуться...

Так или вроде того размышлял молодой человек, с утра пораньше заявившийся в полицейский дом на Офицерской улице. Первый этаж серого строения занимал 3-й участок Казанской части, на втором расположились кабинеты полицеймейстеров II Отделения, а на самом верху приютилась сыскная полиция. Куда и взбежал неурочный гость.

Сонный городской недобрым взглядом одарил раннюю пташку, долго возился с ключом и предоставил гостю самому проникать в казенное помещение. Юношу так распирало желание поскорее взяться за дело, что мелкие неурядицы остались незамеченными. Деловито распахнув окна, чтобы воздух утра выгнал из помещения ночную затхлость, направился он в дальний угол приемной части сыска, где раз-

местился за потертым столом, сложил руки, как на уроке, и приготовился ждать.

Пока он сгорает от нетерпения, успеем подметить кое-что в его наружности. У юноши слишком чистый воротник сорочки, наглаженной и накрахмаленной, безупречно повязанный галстук, отутюженные брюки и вычищенный сюртук гражданского образца. Именно так должен выглядеть карьерист и подхалим, который мечтает втереться в доверие к начальству.

Образцово-показательный вид немного портила некоторая тучность фигуры. Юноша был скорее упитан, как это бывает с сынками, поздно выпорхнувшими из-под гнета материнской опеки. Но в клубе толстяков его кандидатуру наверняка отвергли бы. Из деталей, примечаемых барышнями, отметим непокорный вихор, выбивавшийся из пшеничной шевелюры, умный, если не проницательный взгляд и довольно крепкую, крестьянскую шею, на которую так приятно взгромоздиться женушке с детишками. Но этого счастья юноша лишен начисто. Был он холост и даже в некотором смысле... Ну, об этом не время.

В сыскной полиции молодой человек оказался по доброй воле, чего никак не мог понять его прежний начальник. Он начинал в канцелярии Министерства внутренних дел, где быстро получил коллежского секретаря, и перед ним открылись самые заманчивые перспективы. Но приспичило ему отправиться в самое пекло, клоаку и забытый милостями от-

дел Департамента полиции, а именно — сыск. Все потому, что имел ум, развитый классическим образованием и Петербургским университетом, что по нынешним временам бесполезная, если не вредная обуза. Этот самый ум хотелось ему применять по назначению: раскрывать великие преступления и вступать в бой с коварными или на худой конец — талантливыми преступниками.

Будьте уверены: отправь его в Англию — участь Джека Потрошителя была бы незавидной. Но мудрое начальство и слушать об этом не хотело, а командировочные выписывать — тем более. Денег на торжественные приемы и банкеты не хватает, так еще всяких молодчиков за границу отправлять. Так что старина Джек спокойно мог и дальше потрошить, сколько захочет. Но местным гениям преступного мира пора было вздрагивать от страха, ожидая скорого разоблачения. Жаль только, они не догадывались об этом.

Несколько дней назад, заступив на службу закону и порядку, молодой человек... ах да, зовут его Родион Ванзаров, как же иначе, сгорал от нетерпения что-нибудь раскрыть. Но пока начальник сыскной полиции, милейший Платон Сергеевич Вошинин, допускал его лишь перебирать старые бумаги, заниматься перепиской с канцелярией и вообще вести скучнейший образ жизни. Немногочисленные чиновники сыска пока не распахнули объятий дружбы, а присматривались: чем-то юнец им не нравился. И не то что не нравился вовсе, а был словно другой, как породистый конь в стаде де-

ревенских лошаков. Быть может, это необъяснимое чувство чуждости вызывало неприязнь.

Родион хотел показать, на что способен, но окружающие чиновники держались от него на безопасном расстоянии, словно догадываясь: молодчик способен таких дров наломать, что мало не покажется. А Родион, если б дали, носом бы землю рыл, но раскрыл десяток-другой дел, зависших в долгих розысках. Однако соверши он подобный подвиг, что бы осталось на долю других? Нет, нельзя такой вольности допускать. Перо, чернила и бумаги – все, на что мог рассчитывать сыщик-новичок.

Между тем, предельно скромный в поведении, юный Ванзаров в тайных уголках души считал себя отменным знатоком человеческой натуры, а особенно женщин. Буквально видел их насквозь. Оставалось только применить выдающиеся способности в деле. Но, как назло, ничего не подворачивалось.

Пробило девять. В присутственной части один за другим появлялись чиновники, удивлялись, что юнец уже на месте, и, кисло улыбнувшись, приступали к самому важному делу: общению заутренним чаем. Ванзаров ерзал на стуле, как верный пес, ожидая команды «взять». Его, кажется, не замечали вовсе.

Покой сыскной полиции был нарушен самым наглým образом. Распахнув дверь, как к себе домой, чиновник 3-го Казанского, коллежский секретарь Разуваев, заявил, что требу-

ется кого-нибудь послать. У них в участке все заняты (понимай – не желают отрываться от чая по всяким пустякам), так пусть сыскная разберется. Если что серьезное – все равно дело им в сыск отойдет. А нет – так и невелика трудность: сходить да посмотреть.

Господа Жеребцов, Красов и даже делопроизводитель Кузьменко прямо изумились такой наглости соседей снизу. Буквально не могли глоток чая осилить. Это где же видано, чтобы участок дергал сыскную по всякой ерунде! Ну, подумаешь, прибежал швейцар перепуганный, разве это повод вот так бесцеремонно отрывать сыщиков от важных дел. Нет уж, господа участковые, сами расхлебывайте, а нас – только в крайнем случае.

Но господин Разуваев стоял на своем: дескать, вроде бы преступление серьезное, скорее всего, тяжкое, так что прямая дорога – в сыск. Спор уже шел на повышенных тонах и мог продлиться до самого обеда, когда из дальнего угла выскочил юнец, залившийся краской смущения, и немного взволнованным голосом заявил: «Позвольте мне взяться!» Вот так взял и заявил. Жеребцов и Красов изумились такой наивности, а Кузьменко натурально поперхнулся. Но это не остановило бурное развитие событий. Наглый Разуваев вцепился: дело как раз для господина Ванзарова.

Не дожидаясь формального разрешения, юнец сорвался с места, забыв папку с бумагами для ведения протокола, и устремился за чиновником. Старшие товарищи, обменяв-

шись комментариями, решили довести до начальства не лучшее мнение о молодом выскочке. На том и успокоились.

Не меньшую заботливость проявил и Разуваев. Указав Ванзарову швейцара, крайне взволнованного и смущенного бородача лет пятидесяти, пожелал успехов, а в качестве подкрепления разрешил прихватить городского. Одного, не более. Родион так заспешил на свое первое дело, что швейцар с городovým запыхались, еле поспевали за прытким юношей. Хорошо, что идти было недалеко, а то бы совсем выбились из сил.

Солидный дом нависал над Екатерининским каналом розовым пряником. Внизу блестящие витрины модного магазина, а над ними – три жилых этажа. Квартиры в доме недешевые, господа, здесь обитающие, предпочитали комфорт экономии.

Взлетев по мраморной лестнице, выстланной ковром, Родион увидел распахнутую дверь. Рядом с ней топтался мужчина откровенно услужливого вида. С утра пораньше затянут строгим фраком, волосы гладко расчесаны, под носом прочертились стрелки усиков. На вид – лет сорок, значит, профессией служения овладел давно, сам степенный, сдержанный. Ухоженное лицо портило испуганное выражение, словно кривая печать на гладком конверте. Камердинер нервно трогал виски и смущенно покашливал. Когда же узнал, что перед ним чиновник сыскной полиции, – вконец оробел.

Коллежский секретарь хоть и казался с виду мальчишкой безусым (что было чистой правдой), но зеленая книжечка Департамента полиции кого хочешь заставит затрепетать. Камердинер представился Лопаревым Василием Николаевичем, поклонился и был приятно обрадован, узнав, что мальчишку... то есть, конечно, господина, так приятно величают Родионом Георгиевичем. Кругом одна приятность. За всю церемонию Лопарев не проявил желания зайти в квартиру или пригласить туда полицию, а, напротив, старался держаться ближе к перилам лестницы.

Ощувив веселую нервность во всем теле, Родион скроил проницательный вид и спросил: «Что случилось, любезный?» Удалив вздохи, междометия и запинки господина любезного, картина рисовалась вполне подозрительная.

...Камердинер встал, как обычно, рано, то есть около семи. Привел себя в порядок, умылся, причесался, переоделся, приготовил на завтрак яичницу с беконом, заварил чай и отправился будить хозяина. Дверь спальни была приоткрыта. Камердинер заглянул внутрь: постель не тронута, халат лежал, как был оставлен, — на спинке кресла. Но одежды, которую его сеньор разбрасывал как попало, не оказалось. Впрочем, как и самого хозяина. Обойдя гостиную и библиотеку, Лопарев направился к кабинету. Постучав, камердинер не получил никакого ответа. И тогда забеспокоился. Кликнул швейцара, упросил сбегать за полицией, сам же выскочил на площадку, не решаясь оставаться в квартире.

Выждав паузу, приличную для проникательного сыщика, Родион заметил:

– Но, может быть, господин...

– Донской, – вежливо подсказал Лопарев.

– ...господин Донской всего лишь не ночевал дома.

– Невозможно-с. Вчера Иван Иванович оставались в кабинете. С тех пор не выходили-с.

Последовал коварный вопрос:

– Откуда вы знаете?

– Его ключи-с лежат в прихожей под зеркалом.

Против такой логики не возразишь. Родион потребовал отчет о вчерашнем вечере, раз с него все началось. Старательно, как вытирал пыль, Лопарев принялся докладывать.

...Против обыкновения Донской вернулся рано, около трех часов дня, в дурном расположении духа, от кофе отказался, но приказал доставить обед часам к десяти. Для чего накрыть у него в кабинете столик на двоих. И не беспокоить. Камердинер исполнил распоряжение в точности. Отправился в ближайшее заведение – трактир «Мадрид», где заказал все, что предпочитал хозяин. Около девяти доставили блюда, Лопарев сервировал стол. Его поблагодарили за службу и потребовали обратиться из дома вон. Что камердинер охотно исполнил.

Проницательный юноша подцепил ниточку:

– Господин Донской ожидал даму?

Лицо Лопарева стало совершенно непроницаемым:

– Не могу знать. Иван Иванович может встречаться с кем пожелает-с.

– Но дамы-то у вас бывали?

– Не припомню такого-с.

– Вчерашнюю гостью господин Донской ожидал с большим нетерпением?

– Не могу знать, кто был зван-с.

– Упомянули, что хозяин был в плохом настроении. Это связано с визитом?

– Вернее, они-с сильно нервничали, – поправил Лопарев. – Прямо лица на них не было. Как вернулись, таки и бродили-с мрачнее тучи.

– Предполагаете, возникли неприятности?

– Служу исправно и не считаю возможным совать нос, куда не следует.

Похвальное поведение слуги затрудняло работу сыскной полиции. Сплетники и любопытные – вот залог успешного розыска. Хотя, собственно, что разыскивать? Преступления, может, никакого и нет! Опомнившись, Родион спросил, где кабинет. Тот оказался напротив, в конце прихожей.

Массивная дверь, блестя белой краской, стояла незыблемо. Ручка полированной меди неохотно поддалась, когда ее подергали. Нагнувшись, Ванзаров пристроился к замочной скважине, чуть нос не отдавив. В темноте ключ нахально показал язычок с той стороны. Без сомнений: закрыто изнутри. Радостные искорки предвкушения настоящего дела запрыга-

ли по телу. Юный сыщик решительно смахнул их, как надоедливых мух. Нервы притупляют клинок логики. Вот так-то, господа! А вы как думали? Ну, ладно...

На всякий случай, громко постучав и окликнув хозяина кабинета, Родион приказал швейцару звать плотника. Тут уж Лопарев пошатнулся и схватился за сердце. Такой впечатлительный камердинер попался.

Твердое дерево не желало поддаваться стамеске с молотком. Столяр не раз помянул чьих-то родственников и матушку в придачу, поднажал, еще поднажал, и, наконец, хруст щекотды сообщил о полной капитуляции. Но почетное право открыть дверь было оставлено сыскной полиции. Решительно приструнив разыгравшиеся нервишки, Ванзаров распахнул створку.

За дверью был просторный кабинет, какой полагается в такой квартире. Сквозь глухо задернутые шторы не пробивается ни один солнечный лучик. Но видно четко и предельно ясно. Тени сомнений разгонял электрический свет, заливавший помещение.

– Попрошу всех оставаться за дверью, – строжайшим тоном приказал Родион. – Городовой, проследите, чтобы посторонние не входили в квартиру. А вы, господин Лопарев, обождите в гостиной.

Уже занеся ногу через порог, он заметил на ворсе персидского ковра сероватые крупинки. Вроде мелкой известки или каменной крошки. Их появление казалось странным: по-

толок сиял чистотой, никаких признаков разрушения штукатурки. Зато другие следы ясно указывали на происшествие.

Обеденный столик, какие предпочитают для дружеской или интимной встречи, был опрокинут. Осколки тарелок, фужеров и разбитых бутылок плавали в каше из заливного, жаркого, разнообразных салатов и даже сыров. Ужин предполагался обильный, но легкий, равно подходящий для гостя или гостьи. Съестное изобилие уже пахло прокисшим. На помоях возлежала красная розочка, выпавшая из вазочки, словно прощальный привет то ли ужину, то ли Донскому.

Тщательно выбирая, куда ступить, все-таки жаль новые ботинки, Родион приблизился к тому, что заметил еще с порога, но знакомство старался оттянуть. Юный сыщик, готовый к подвигам и приключениям, не вполне созрел для мертвой человеческой плоти. Особенно в таком виде.

Неудобно подвернув ноги и вольно раскидав руки, словно взлетая на крыльях буйного восторга, на ковре расположился мужчина среднего роста. Белую манишку смокинга окропили бурые пятнышки. Вокруг головы натекла и подсохла густая лужица. Но выражения его лица разобрать не смог бы и самый тщательней эксперт. Потому что лица попросту не было, вместо него сплошное кровавое месиво. Гадать про орудие убийства не было нужды. Оно преспокойно лежало рядом, словно визитка.

Потребовалось нагнуться, чтобы рассмотреть уж больно странный предмет. Странный настолько, что разум отказы-

вался в это поверить. Но глаза не обманули: жертву прикончила рыцарская перчатка. Вернее, кисть в рыцарской перчатке, вырезанная из сероватого камня, сжатая в кулак. Подтеки на сложенных пальцах явно указывали на это. Наверняка принадлежала монументу или памятнику. Что за гость, который приносит обломок каменного изваяния, лущет хозяйина, а потом непонятным образом исчезает из запертой комнаты на манер призрака?

Родион мог поклясться, что с рыцарями в столице было туговато. Императоры на лошадях, лошади без императоров, Петр Великий так и сяк – сколько пожелаешь. Львы тоже водились в изобилии. Но вот рыцарей сразу и не припомнишь. Откуда же отломали кусок камня? Не сам же каменный гость пришел, ударил и оставил кисть. Хотя, судя по силе удара, можно такое представить. Да, тяжело пожатие каменной десницы. Вернее – оплеуха. Нет, полный бред. А если...

Сыскная полиция всегда готова сражаться с силами зла, насколько позволяет жалованье. Но преследовать, а тем более разыскивать убийцу, неподвластно человеческой воле, – извините. Богатое воображение уже рисовало вчерашнее событие, сердце билось в растерянности, а разум пребывал в полном отчаянии. Ну как же так: первое дело – и сразу в противниках нечеловеческая сила. Нет, господа, это нечестно. Быть может, правы коллеги, которые не хотели влезать в эту историю? Быть может...

Плотная штора у дальней стены слегка колыхнулась. Ро-

дион бросился, как кот на канарейку, стремительно отдернул занавес и обнаружил еще одну дверь. Он попытался ее открыть – ничего не получилось, эта дверь была заперта так же прочно, как и первая. Но снизу тянул сквознячок. Не иначе – выходит на черную лестницу. Что любопытно: следы каменной крошки обнаружились и у этого порога.

Логика со здравым смыслом (то есть то, что мешает чиновнику делать карьеру) стали нашептывать: берись за дело, а страхи оставь нервным барышням. Для начала – тщательно осмотри кабинет. И Родион послушался тайных советчиков.

Господин Донской был скуп в домашних мелочах до крайности. Квартира была снята вместе с меблировкой, и ни одной безделушки, никаких личных вещичек, вроде трубки или записных книжек, не нашлось. Ничего, что помогло бы определить вкусы, интересы или занятия господина Донского. В такой недешевой квартире не оказалось даже завалящих драгоценностей вроде серебряного портсигара или золотых запонок. Или хозяин не имел привычки держать их в кабинете?

На пустом письменном столе – слой пыли. Лишь в глубине верхнего ящика нашлись смятые корешки от приходных ордеров известных петербургских банков: Сибирского, Первого коммерческого, Азовско-Донского и Частного. Судя по записям, Иван Иванович получил в каждом из них довольно солидные суммы. Причем вчера. Все вместе – на пятьдесят четыре тысячи. Цифра просто гигантская. Жалованье

чиновника полиции за пятьдесят лет, не меньше. Как видно, господин Донской был не стеснен в средствах.

Но зачем такая куча денег сразу? От статуи откупаться? Так ведь каменный истукан равнодушен к земным богатствам. Или пару домов на Невском проспекте захотелось купить? Еще и на пароходик останется. Если деньги ему выдали сторублевками, «кирпичик» получился солидный, размером со среднее полено. В карман не запихнешь. Но в кабинете денег не нашлось.

Появление в гостиной чиновника полиции, хоть и юного, камердинер встретил резвым подскоком, изъявив всю преданность, на какую был способен.

– Что с Иваном Ивановичем? – спросил он, будто сидел у постели умирающего родственника и теперь ждал окончательный диагноз врача в тайной надежде на чудо или наследство. Но в ответ получил строгий вопрос:

- В котором часу ушли из дома?
- После девяти, – вежливо напомнил Лопарев.
- Прошу точнее.
- Быть может, без четверти десять или что-то вроде того.
- Когда вернулись в квартиру?
- Около полуночи.
- Где провели время?
- В «Мадриде», чтобы далеко не ходить. Трактир закрывался, я и вернулся. А почему вы задаете такие странные вопросы, господин полицейский? Что с господином Донским,

ответьте же, наконец...

Но мольбу Ванзаров пропустил мимо ушей.

— Когда вернулись, свет в окнах кабинета горел?

— Позвольте... Дайте вспомнить... В прихожей свет горел, да и в других комнатах, как я оставил. Наверняка и в кабинете горел.

— Слышали оттуда какой-то шум или удары?

— Да как же я мог слышать, когда меня здесь не было! — искренно поразился камердинер.

— В вашем присутствии шум был?

— Какой шум! Иван Иванович по кабинету гуляли-с и о чем-то размышляли-с. Мне даже рукой не махнули-с. Я сам входную дверь запер.

— А после вашего возвращения?

— Нет, тихо было.

— И вас не удивило, что из кабинета не раздается смех или звон бокалов?

Лопарев всем видом выказал глубокое удивление:

— С чего мне беспокоиться?

— Может, постояли у двери, послушали. Дело обычное...

— Не имею таких привычек, господин Ванзаров...

— Не стоит обижаться, Василий Николаевич, я должен был об этом спросить. Объясните: если в квартире было тихо, как вы поняли, что Иван Иванович дома?

— Что ж тут странного: пальто на вешалке, дверь я сам открыл, да и про ключ изволите знать.

– А в спальню заглядывали?

Василий Николаевич взглядом дал понять, какое гнусное оскорбление ему нанесено, и добавил:

– Камердинером служу-с, а не любопытной горничной...

Примирительно помахав ладошкой, словно гася разгоравшийся пламень, Родион спросил:

– Где господин Донской хранит деньги?

– Наверное, в банке, он мне не докладывает. Небольшая сумма на хозяйство лежит в кухонном буфете, если изволите...

– Вчера утром Иван Иванович получил более пятидесяти тысяч. Вы можете предположить, на что он собирался их потратить?

Строгие бровки камердинера полезли на лоб, выражая глубочайшее удивление:

– Сколько?!

Родион повторил.

– Ума не приложу! Это поразительно! – Лопарев никак не мог справиться с чувствами, даже шлепнул по жилетке. – Нет, ну только подумайте! А мне заявил, что стеснен в средствах. Жалованье за две недели задерживал... Пятьдесят тысяч!

– Донской сделал значительную покупку? Дом? Акции?

– Не могу знать, он мне не докладывал.

– Подскажите, где в доме можно спрятать такие деньги. Сейф или крепко запирающийся тайник здесь есть?

Лопарев довольно откровенно выразился: если б знал, то проблему с жалованьем давно решил бы без лишних напоминований. Слаб человек до наличных денег, особенно бумажных. Что поделать. Оценив искренность слуги, Ванзаров спросил:

– Когда Донской вернулся днем, был ли при нем саквояж или сверток?

Ответил камердинер не задумываясь:

– Пальто у него принял, да и только.

– Кто еще прислуживает в доме?

– Никого-с, один справляюсь. Иван Иванович в этом вопросе изрядно прижимист, да и к чему нам кухарка? Обедает он в ресторанах, прачка заходит за бельем. Особых забот нет.

– Прошу разрешить осмотр квартиры. Не возражаете?

Лопарев не только не возражал, но постарался оказать сильную помощь. Открывал двери, рассказывал, что где находится, и всячески старался быть полезным розыску. Но старания были напрасны. Кроме собранных в дорогу чемоданов и пустой чековой книжки банка «Лионский кредит», не нашлось ничего любопытного. Безделушек вроде запонок или брильянтовой заколки так и не попало.

– Иван Иванович планировал уехать? – отряхивая ладони, спросил Родион.

– Говорили-с, что на днях в Москву собирались. Точнее не знаю. Мне укладываться не приказывались-с.

– Куда ведет дверь из его кабинета?

Не готовый к резким поворотам, Лопарев замешкался:

– На черную лестницу-с.

– У кого находится ключ?

– На кухне висит. Извольте взглянуть?

Юный чиновник забрал кольцо, на котором болтались два ключа: большой, старый, проржавевший, и маленький, новенький, блестящий, от французского замка. И, как бы между прочим, спросил, не желает ли господин камердинер взглянуть, что стало с его хозяином. Лопарев заметно при-
смирел, но отказаться не посмел.

Велев городовому посторониться, Родион впустил испытуемого. Василий Николаевич только заглянул и выскочил как ошпаренный, часто-часто крестясь и шепча молитву, и даже покрылся крупной испариной.

– Кто же такое сотворил? – шепотом спросил он.

Родион и сам не прочь был это узнать.

– А сами что думаете?

– Да как же... Откуда мне... Какое несчастье!.. Что теперь с жалованьем будет?

– Не заметили в кабинете чего-то странного или необычного?

На лице Лопарева читалось: да куда уж больше странности! Пришлось разъяснить:

– Господина Донского изувечили каменной перчаткой, отломанной от какой-то статуи...

– Свят! Свят! Свят! – эхом отозвался камердинер, осеняя себя крестным знамением. Такой суеверный, прямо как ба-рышня, начитавшаяся готических романов.

– Иван Иванович упоминал что-то подобное?

Слуга вытаращил глаза:

– Это чего же-с?

– Может, рассказывал про статую рыцаря?

– Никак нет-с!

– Быть может, кто-то пошутил подобным образом? Не припоминаете среди друзей господина Донского любителей статуй?

– Не могу знать. К нам друзья не заходили-с.

– Совсем гостей не было? Какая досада. Вам, наверно, скучно без гостей. Сколько у Донского прослужили?

– Нанял месяц назад. По газетному объявлению... Какое несчастье! Куда меня после такого происшествия возьмут... Пятно несмываемое. Скажут: не уберег хозяина. Пропало мое доброе имя! Что теперь будет? Что за рок такой...

– Значит, до этого не были знакомы.

– Не имел чести-с.

Вытряхнув из камердинера все, что смог, Родион оставил его сидеть на кухне и припоминать любую мелочь или странность, которые случились за последние дни. Умственными упражнениями заниматься не отходя от плиты, то есть не выходя из кухни. Что Василий Николаевич исполнил с большой охотой.

А Ванзаров вернулся к занавешенной двери. Ключ был такой древний, словно попал сюда из антикварной лавки, но вошел в замочную скважину мягко, повернулся легко. Наверняка пользовались часто. На лестничной клетке Родион первым делом посмотрел под ноги. Еле заметные крупинки нашлись у порога. Как видно, гость слегка осыпался. В остальном служебная лестница для прислуги с корзинами или особых гостей, каких неудобно провести через парадный подъезд, приятно удивила чистотой, что нечасто встретишь и в дорогих домах. А тут порядок держали строго. Еще час-другой, и каменная пыль исчезнет под веником.

Спустившись на два пролета, до самого выхода, Родион повернул новым ключиком французский замок и выглянул на Екатерининский канал. Парадный вход отсюда почти не заметен, изгиб дома прячет его. Но если швейцар гуляет снаружи, ничто не мешает приглядывать и за черным ходом.

Вернувшись проторенной дорожкой, Ванзаров запер потайную дверь и бочком, чтобы лишний раз не глядеть на жертву, пробрался в прихожую.

Городовой почтительно ждал распоряжений, и они уже почти сорвались с языка, когда что-то больно впилося в плечо. Его крепко тряхнули, а громовой бас у него над ухом разразился отборными проклятиями, печатными из которых были «негодяй», «подлец» и «проходимец». Обращаться так с незнакомым человеком некрасиво, а уж с сыщиком при исполнении – чревато. Тем более Ванзаров не мог вспомнить

поступков, за которые его стоило так чехвостить. А за те, что стоило, – уже получил в детстве от матушки.

Сбросив с плеча хваткие пальцы, он развернулся, готовый дать решительный отпор, и в нос ему шибанул смешанный запах перегара и дорогого одеколona. Статный господин почтенных лет с лицом, искаженным злобой, пребывал в той стадии бешенства, когда человек за свои поступки не отвечает. Увидев лицо врага, Родион ощутил странное спокойствие.

– В чем дело? – спросил он таким ледяным тоном, что в воздухе блеснули морозные узоры... Ну, хорошо приврали для художественного эффекта. Все равно строго осадил, что уж тут скромничать.

Дородный господин (Родион успел заметить рубиновую заколку на его галстукe) зарычал нечленораздельно, от чего городской малость остолбенел, и уже занес было над юным чиновником рукоятку зонта, но присмотрелся...

– Да вы кто такой? Мальчишка!

– Коллежский секретарь Ванзаров, чиновник сыскной полиции. С кем имею честь?

Мгновенно спрятав зонт, грозный сеньор резво сдвинулся, отступил на шаг и заискивающе улыбнулся:

– Прошу простить... Ошибся... Не в ту квартиру, как видно...

– Кого же хотели зонтиком угостить?

– Ах это... Ха-ха... Прошу извинить, так, дружеская шут-

ка, знаете ли... Разрешите откланяться...

– Для начала извольте назваться, – совсем уж полицейским образом потребовал Родион. Городовой же, в отместку за растерянность, хмурился и присматривался, как бы ловчее скрутить наглеца. А может, и шашкой жакнуть для успокоения души.

– Не стоит беспокойства... Просто ошибка... Мои извинения, господа... – И незванный гость стал пятиться к двери.

– Стоять! – без всяких сантиментов приказал Ванзаров. Господин с рубином застыл как статуя.

– Не извольте беспокоиться... – только выдавил он.

С него потребовали имя и звание.

– Карлов Дмитрий Иванович, мещанин, – сообщил он, приятно улыбнувшись. И куда только смелость подевалась. Перед мальчишкой готов на вытяжку стоять, ох уж эти обыватели...

– К кому шли с сюрпризом? – напомнил Родион.

Господин Карлов засмутился, забормотал об ошибке, но в конце концов сознался, что желал бы видеть господина Донского лично и немедленно.

– Могу в этом помочь, – ответил Ванзаров. – Извольте следовать за мной.

Вежливо пропустив гостя вперед, Родион позволил ему насладиться зрелищем во всей красе, а сам наблюдал за реакцией господина Карлова.

Разглядев среди объедков раскинутое тело, господин Кар-

лов охнул и закрылся пухленькими ладошками. На фаланге упитанного пальчика сверкнул массивный перстенок.

– Можете опознать убитого?

Дмитрий Иванович болезненно застонал, но выжал из себя нечто похожее на «да».

– Кто жертва? – продолжилось истязание.

– Он...

– Извольте уточнить, кто «он».

– Донской... – выдохнул Карлов. – Умоляю, господин сыщик, разрешите выйти, не могу на это смотреть...

– Да вы же только что намеревались сделать с покойником нечто подобное.

Солидный господин застонал:

– О боже! За что же мне эти терзания...

Неопытность полицейского, а скорее, человеческая жалость не позволила Родиону мучить человека дольше. Он только спросил:

– Как же узнали, даже не взглянув?

– Перстень...

Действительно, на безымянном пальце левой руки Донского красовалось кольцо массивного золота с зеленым камешком. Игрушка мужского самолюбия, так сказать.

– Владаете ювелирной мастерской? Разбираетесь в брильянтах?

– Это мой перстень! – словно в отчаянии, бросил Карлов.

– Украден у вас?

– Да подарил его Донскому!.. Подарил!.. Умоляю, разрешите выйти, господин... Нарзанов...

– Ванзаров, – поправил его Родион и проводил в гостиную.

Легко оправившись от испуга, Дмитрий Иванович расположился в широком кресле, словно у себя дома. Такие натуры быстро загораются, но так же быстро и отходят, везде чувствуя себя в своей тарелке. Родион старался следить за деталями мимики, которые, как знал от древних авторов, выдают не только характер, но и то, что человек пытается скрыть или попросту солгать. Однако Карлов держался вполне свободно, глаз не прятал. Во всяком случае, поймать фальшь Родиону не удавалось. На вопрос «как часто здесь бывал?» Карлов сообщил, что пришел впервые, потому и решил, что перепутал квартиру.

Тогда Родион зашел с другого конца и спросил, как давно Карлов знаком с Донским.

– Не так чтобы очень... Месяц, может, два, – неохотно сознался тот.

– Проясните ваши общие интересы. Деловые начинания...

– Да какое там... Так... Особо никаких. Приезжал в гости.

– В таком случае постарайтесь объяснить: чем ваш друг заслужил порку зонтом? Или предпочли бы что-то более тяжелое?

Карлов отмахнулся, как от ночного кошмара:

– Да что вы такое говорите... Разве способен убить человека? Посмотрите на меня!

Строго говоря, такой господин способен на многое. Комплекции хватит и подкову погнуть, и личико в кровавый студень обратить. Даже каменной перчатки не понадобится.

– Я бы желал услышать ответ, – напомнил строгий юноша.

– Раз настаиваете... – Дмитрий Иванович как будто сужился, стал меньше ростом, а может, глубже провалился в кресло. – Только умоляю, дайте слово, честное и благородное, что это останется между нами. Не переживу стыда. Дело касается чести моей семьи, а это – святое.

Родион хоть и был не чужд вопросов чести, но в этот раз коварно пробормотал что-то неопределенное. Этого оказалось достаточно. Карлов разразился исповедью...

...Господин Донской оказался в его доме случайно. Однажды, проводя вечер в клубе, Дмитрий Иванович познакомился с очаровательным молодым человеком, острым на язык, приятным в общении и легко расстающимся с деньгами. Потому что их у него было в избытке. В общем, Карлов смекнул, что такое сокровище в полном расцвете сил, который, по его мнению, наступает как раз к тридцати годкам, и есть то, что так давно ждет его обожаемая дочурка. Разумеется, тайный замысел Карлов оставил при себе, но просил заехать в гости, просто и по-дружески. Донской явился к семейному обеду и буквально очаровал всех. Супруга Дмитрия Ивановича против обыкновения была мила и доб-

родушна, а дочка... Тут мало слов. Надо было видеть, как расцвела Лаура Дмитриевна, как загорелись ее щечки, как стыдливо прятала глазки. Надо сказать, что Донской оказался расторопным и сообразительным господином. И стал выезжать чуть не каждый день. Карлов с тихой радостью следил, как развивается роман, тем более что дочь, кажется, по-настоящему влюбилась в Донского. Что в браке по расчету всегда приятно. Будучи человеком прогрессивных взглядов, Карлов разрешил Донскому уединенные прогулки с Лаурой, позволял ему вывозить ее в театр и прочие увеселительные заведения. Время летело быстро, дочь только и говорила, что об «Иване Ивановиче», да и господин Донской, кажется, дошел до той степени любовного нетерпения, когда пора уже предложение сделать. Семья ожидала счастливого события в биографии обожаемого дитяти. Вопросы приданого на этот раз играли второстепенную роль. Донской был обеспечен, но все равно за дочерью Карлов давал десять тысяч годового дохода. И дачку в придачу.

Все изменилось необъяснимо. Буквально неделю назад Донской перестал ездить в гости, а с Лаурой произошла резкая перемена. Девушка помрачнела, замкнулась и весь день сидела у себя в комнате. Замечая столь тревожные признаки, Карлов обеспокоился не на шутку и стал выяснять, что произошло. На его расспросы ответ был один – горькие слезы. Тогда за дело взялась мать. И сумела добиться правды: слабая девушка не смогла устоять перед обольстительными

речами и потеряла главное достоинство невесты. Карлов, конечно, был в ярости, но про себя решил: раз теперь дело к свадьбе, то какая разница – неделей раньше, неделей позже. Однако сегодня утром было доставлено письмо от Донского, в котором он приносит глубочайшие извинения за то, что вынужден срочно уехать, быть может, навсегда. А Лауре Дмитриевне желает только счастья в жизни. Наглость «жениха» поразила Карлова настолько, что он буквально рассвирепел. Не помня себя, схватил первое, что попало под руку, и кинулся к обидчику, чтобы запороть до смерти или сделать зятем. Помня, что Донской снимает квартиру в доме на Екатерининском канале, Дмитрий Иванович ринулся напрямик.

Терпеливый слушатель протянул ладонь:

– Покажите письмо.

Карлов заметно смутился:

– Характер у меня вспыльчивый, как прочел, так разорвал на мелкие клочки и выбросил в окно.

Можно согласиться: самое обычное дело для нервных людей разорвать такую ценную улику.

– Неужели и конверт не пощадили? – уточнил Ванзаров.

Дмитрий Иванович только виновато вздохнул.

– Дату, когда отправлено, помните? Что на печати стояло?

– Разве стал я печать разглядывать... Когда перед глазами кровавые круги... Не до того было...

Досадная невнимательность. Почта в столице работала из рук вон плохо, тут вам не Лондон, где королевская служба

доставляет письмо в течение дня. Почта у нас хоть императорская, но неторопливая. Любую корреспонденцию сначала перлюстрируют в «черном кабинете» на почтамте, а уж потом отправляют адресату. Все письма читают специально обученные чиновники. Мало ли кто какую крамолу сообщит. Враг Отечества думает, что тайна переписки священна, и доверяет свои тайны бумаге. Тут и попадаетеся. Эта особенность столичной переписки была хорошо известна. Донской мог отправить весточку и вчера днем, и позавчера, и пять дней назад. В каждом случае просматривается особый смысл.

– А кольцо когда ему подарили? – как бы между прочим спросил Родион.

Карлов совсем загрустил:

– Как раз перед разрывом с Лаурочкой... Зачем только! Как будто сглазил. Нельзя ли получить обратно?..

Поблагодарив за полезную беседу, Ванзаров просил вечером, часам к восьми, заглянуть в сыскную полицию, чтобы подписать опознание и составить протокол как полагается. Дмитрий Иванович обещал непременно быть, он живет здесь поблизости.

Доктор из участка, который так был нужен, как назло, не спешил прибыть. В гости к трупу пришлось идти самостоятельно. Родион пристроился рядышком, сжался, задержав дыхание, что при его комплекции и в плотном сюртуке было не так просто сделать, и бережно приподнял левую кисть.

Рыжий перстенок сверкал камушком, гордо выпячивал бока, но по размеру был великоват. Стоило тронуть палец, как повернулся камнем вниз, следуя законам гравитации.

Изучить драгоценность помешали. В прихожей началась возня, слышались невнятные голоса. В кабинет заглянул городской и доложил, что прибыла какая-то дама, которую задержали до выяснения личности. Родион, большой специалист по дамам (правда, лишь в теории), отложил на время осмотр и отправился в коридор.

Его смирили взглядом... а вот каким именно – сказать трудно. Черная вуалетка прикрывала лицо. Платье глубокого траура пошито отменно, разнообразные достоинства фигуры великолепно подчеркнуты, что сразу подметил острый взгляд Ванзарова. Ну, еще бы ему не заостриться, когда дело касалось таких форм!

– В чем дело? – спросила дама таким тоном, будто Родион ворвался к ней в спальню в чем мать родила, с букетом и шампанским. Ну, или что-то вроде того.

Пришлось пояснить, что в присутствии сыскной полиции вопросы задает только сыскная полиция. И никто больше. Это заявление не произвело эффекта. С той же брезгливо-надменной интонацией она осведомилась, где господин Донской.

– А кем вы ему приходитеесь? – тоже осведомился Родион. Немного замаявшись, дама назвалась «знакомой». Но этого сыскной полиции было мало. От гостыи потребовали не

только поднять вуалетку, но и назваться. Дама обдала мальчишку презрением, но лицо показала.

Такие барышни не во вкусе Ванзарова. Слишком холодная красота, слишком правильные черты образцовой статуи, слишком хорошо знает себе цену, слишком уверена, что мужчина – нечто среднее между безмозглым кобелем и домашней болонкой. В общем – гордая стерва, что уж тут стесняться.

– Баронесса Аловарова.

Чего-то подобного и следовало ожидать. Родион коварно ответил, что ему очень приятно и вообще весь к услугам, и даже назвал свое имя-отчество. Баронесса повела подбородком, что означало поклон вежливости, и назвалась Анной Ивановной.

Родион тут же уступил дорогу в кабинет:

– Извольте пройти.

Баронесса пошла решительно, но в дверях замерла, словно наткнулась на невидимую стену. Ванзаров не мешал, ожидая, что будет дальше. Выдержав дольше, чем способно женское сердце, Анна Ивановна резко повернулась. Побледнела, но держала себя в руках.

– Мне нужно присесть, – сказала она, тяжело дыша.

Очевидно, в этой квартире она была впервые. Пришлось показать дорогу в гостиную, где недавно Карлов рассказывал свою историю. Юноша был столь услужлив, что лично сбегал за стаканом воды, не поручив эту честь Лопареву.

Между тем баронесса вполне овладела собой.

– Вы так смотрите, будто ждете от меня признаний, – сказала она, касаясь края стакана вздернутой губкой.

Внешне смутившись, Родион выразился в том духе, что это не допрос и будет рад любой помощи.

– Я могу быть уверена?

Он обещал: все, что угодно. Ну, не жениться же ему предложат.

– Все, что узнаете, должно остаться в полной тайне. Клянетесь?

Это не входило в планы следствия, да и вообще не дело сыскной полиции клясться направо и налево, но Родион бессовестно обещал.

– Мое условие: никаких протоколов. Только частным образом.

Что ж, пришлось пойти и на это. Путь к истине порою усыпан капканами.

– И еще: дайте слово верить всему, что услышите.

Да что же такое! Буквально прижали к стене бедного юношу. И, глазом не моргнув, Родион выдал новую клятву. Чтобы раскрыть преступление, он готов был присягнуть на чем угодно: хоть на томике Пушкина, хоть на сборнике приказов Департамента полиции.

– Это случилось не так давно... – начала баронесса.

...Год назад Анна Ивановна овдовела. Барон Аловаров был старше на десять лет, но жили душа в душу и, можно

сказать, любили друг друга. Оставшись одна, баронесса ощутила такую пустоту в душе, что забыла светские развлечения, перестала ездить в гости, отказалась принимать старых друзей, вела затворнический образ жизни и вообще погрузилась в глубокую печаль. В таком безутешном состоянии пребывала почти десять месяцев. Но время – лучший лекар, и боль утраты стала затихать. Молодой женщине захотелось выйти из клетки, в которую сама себя заточила. Не снимая траура, она начала выезжать на прогулки. И вот примерно месяц назад отправилась в Летний сад.

Баронесса шла по тенистой тропинке мимо мраморных статуй, но порыв ветра вырвал у нее из рук зонтик. Какой-то приятный господин поднял зонтик и любезно подал его ей. Поблагодарив, она продолжила уединенную прогулку, но мужчина так ловко и мягко завязал разговор, что Анна Ивановна не заметила, как взяла его под руку. И гуляли они часа три. В тот же вечер господин Донской пригласил ее в «Донон», где устроил чудесный ужин. Роман развивался стремительно. Не прошло и трех дней, как Анна Ивановна сдалась окончательно. Донской оказался искусным любовником, что молодая женщина, к своему стыду, признала.

Баронесса полностью подпала под власть Донского. Они проводили вместе все время, остававшееся у Донского от занятий делами. Вчера он как раз был свободен. Но вчера была годовщина смерти мужа, и Анна Ивановна должна была посетить его могилу. Донской увязался с ней. Они приеха-

ли на Воскресенское кладбище. Баронесса возложила к памятнику цветы и стала молиться, а Донской принялся глумиться над покойным, обнимать и целовать вдову, а потом, обозвав мужа Анны Ивановны «рогоносцем», пригласил его к себе на ужин. Анна Ивановна рассердилась и хотела его одернуть. Донской помрачнел, объяснив, что ему надо срочно уехать. Она стала расспрашивать, что случилось, но Донской отказался объясниться и буквально бежал. Еле успели договориться о встрече поздно вечером. Но он не приехал ни вечером, ни утром. Тревожась и не зная, что происходит, Анна Ивановна приехала сама.

Терпеливо выслушав эту историю, Родион аккуратно спросил:

– В котором часу вы приехали на кладбище?

– Где-то в середине дня.

– Нельзя ли немного точнее, баронесса...

Анна Ивановна задумалась, будто что-то подсчитывая в уме, и объявила:

– Около двух часов.

– Это можно считать точным временем?

– Если вам угодно.

– Благодарю, – Ванзаров поклонился. – Могу просить об одной услуге?

Баронесса изъявила милость.

– Поедьте на кладбище, покажете могилу своего мужа.

Странное желание молодого человека не удивило Анну

Ивановну. Она только повела плечиком в траурном рукавчике и предложила пролетку, ожидавшую на Екатерининском канале. Родион обещал быть мигом.

Забежав на кухню, он застал Лопарева за чашкой холодного чая, безмятежно смотрящим в окно. Яичница с беконом издавала последние ароматы, предательски дразнящие.

– Говорят, Иван Иванович был большой любитель женщин...

Камердинер закашлялся от смущения и, понизив голос, сообщил: не то слово, какой любитель. Ни одну юбку пропустить не мог. Что ни день – новый роман. Умел забалтывать женщин, а особенно барышень, до полного бессознательного состояния. Что характерно: в квартиру никого не водил. Поблагодарив слугу за сведения, Ванзаров попросил его остаться на месте: скоро прибудет доктор из участка. Хотя Лопарев и так не собирался покидать безопасную кухню.

На Воскресенское кладбище извозчик соглашался ехать только за пятьдесят копеек – цена просто грабительская. Анна Ивановна обещала заплатить, если подождет. Грабитель с вожжами милостиво согласился.

На старом кладбище разросшиеся деревья аркой склонялись над пешеходной дорожкой. Баронесса уверенно шла мимо оградок, крестов и семейных усыпальниц. Около развилки, где дорожки расходились в разные стороны, в приятном безделии стоял могильщик. Опершись на лопату, он внимательно изучал ветки, словно диковинные создания.

Неизвестно, что творилось в его голове, кажется, не вполне трезвой, но, завидев баронессу, он оживился, содрал картуз, поклонился в пояс и пожелал «вечного здоровьичка, значаща, госпожа хорошая», что в подобном месте прозвучало слишком оптимистично.

– Здравствуй, Егор, – сказала баронесса и, не глядя, сунула могильщику серебряный рубль.

Могила оказалась поблизости. Анна Ивановна вошла в ограду и перекрестилась. Место упокоения барона закрывал массивный каменный постамент, на котором стоял... средневековый рыцарь. Какого ордена – неизвестно. Одна рука опиралась на массивный меч, другая лежала на щите, украшенном фамильным гербом: львы, единорог и лилии. Средневековый рыцарь выглядел неплохо сохранившимся, если так можно сказать о каменном истукане. Вот только одна рука оканчивалась обрубком. Вместо перчатки – рваный слом.

На него Родион и указал.

– Это давно появилось?

Баронесса схватилась за сердце:

– Боже, какое варварство! Кто посмел надругаться над могилой?!

– То есть вчера памятник был цел.

– Какая дерзость! Сейчас позову Егора...

– Я здесь похожу, вы позволите? – И юный сыщик начал внимательный осмотр.

Памятник не из гранита, а из какого-то камня, крошив-

шегоса при незначительных усилиях. Неудивительно, что на лестнице и в кабинете каменный гость оставил столько мусора. На рыцаре кое-где виднелись плесень и мох. Но самое любопытное нашлось на постаменте. Прямоугольное основание находилось не совсем точно на том месте, где было поставлено изначально. Виднелся свежий след – краешек каменной полоски, не затронутый пылью и дождями. После прогулки и потери перчатки рыцарь так расстроился, что в темноте не смог встать точно. Или разозлился на измену жены. Поди знай, что творится в каменной башке.

Анна Ивановна вернулась с покорным Егором и отчитала его примерно. Беспечный могильщик кивал нечесаным темечком, обещая всенепременно все исправить. С чем и был отпущен.

– Благодарю, баронесса, вы мне очень помогли, – прочувствованно сказал Родион. – Могу ли я попросить вас заглянуть сегодня в сыскную полицию, скажем, к часам восьми? Необходимо засвидетельствовать смерть господина Донского. Протокол мы договорились не составлять.

Ему милостиво обещали.

– Совсем забыл! – Ванзаров изобразил досаду. – Что за кольцо на безымянном пальце у покойного Донского?

Анна Ивановна отвела взгляд:

– Это мой подарок... Моя вина. Я слабая, развратная женщина. За что и буду наказана вечными муками.

Родион не стал спорить или убеждать, что вечные муки –

дело темное, а быстро отклонялся.

Около злосчастной квартиры, посещаемой каменными гостями, скучал новый городской, как видно, присланный из участка вместе с доктором в качестве подкрепления сыскной полиции. Дорогу Ванзарову преградил упитанный господин испуганной наружности.

Домовладелец Марков, как оказалось, был очень обеспокоен, что происшествие попадет в газеты и цена на квартиру резко упадет. Кто после убийства захочет в ней жить?! Чего доброго, и прочие жильцы потребуют скидку. На газеты у чиновника сыска управы не было, а вот что за постоялец был господин Донской, он спросил.

– Хороший господин, порядочный и состоятельный. Ничего плохого сказать не могу, – доложил Марков. – Вел жизнь тихую и пристойную, даже гостей не водил. А уж барышень этих... сами знаете, тем более. Соседи никогда не жаловались. Заплатил вперед за три месяца.

– Рублей двести?

– Шестьсот, – поправил домовладелец наивного юношу.

– А его камердинер?

Марков даже не понял, о чем его спрашивают. Пришлось уточнить: что за человек?

Задумавшись, домовладелец ответил:

– Достойный слуга. Никаких глупостей, всегда чист и опрятен, вежлив, как мне докладывают. Я-то с прислугой не общаюсь. Но швейцар наш, Матвей, самого лестного

мнения... Господин полицейский, постарайтесь без огласки. Очень прошу!

Да какая тут огласка? Рядовой случай: ну подумаешь, статуя мужа пришла на ужин к любовнику жены и слегка помяла ему лицо да оставила в кровавой каше перчатку. Что тут удивительного? Распространяться на скользкую тему Родион не стал, а устремился в кабинет.

Участковый доктор Белкин как раз закончил осмотр.

Приветствовав пожилого эскулапа, Родион осведомился о результатах осмотра. Кладнув замочком саквояжа, Белкин ответил, что смерть наступила между десятью и одиннадцатью часами вечера. Скорее всего, жертву сначала оглушили ударом по затылку – найдена небольшая вмятина. А потом уже принялись за лицо. Орудие убийства – несомненно, перчатка. О содержании желудка и наличии ядов в крови можно будет судить после вскрытия. Но, по его мнению, это ни к чему, все и так понятно. За исключением позы трупа.

– А что с ней не так? – спросил любознательный юноша.

– Ее немного подправили. После того как обработали лицо, поменяли положение конечностей.

– Зачем?

– Это уж вам решать, – лениво ответил Белкин. – Пойду я, уж время обедать.

– Про перстень можете что-нибудь сказать?

– Это не мой профиль. Да и говорить нечего: «самоварное золото» со стекляшкой.

– Фальшивка?

– Чистой воды. Впрочем, как и сам труп.

Ванзаров потребовал немедленных разъяснений. Белкин улынулся такой горячности:

– Убитый носил парик, очень качественный и хорошо пригнанный. Его настоящий цвет волос – брюнет. Приподнимите и сами убедитесь. Еще у него приклеены усы. Вы, юноша, понятно дело, в крови мараться не стали, а если бы взглянули внимательно, то увидели бы: усики отделились от кожи. Такого чуда ни при каком ударе не происходит.

Доктор приподнял край шляпы и отклонялся. А Родион развил бурную деятельность. Камердинера освободил из заточения на кухне, но обязал к восьми вечера заглянуть в сыскную полицию, чтобы подписать протокол опознания. Тело отправил в морг 3-го Казанского участка, а квартиру опечатал, как ни упрасивал его домовладелец. На двери появилась бумажная полоска с грозным росчерком коллежского секретаря.

Закончив хлопоты, Ванзаров подозвал швейцара, бросившего прочие дела, и попросил вспомнить, кто и в какое время появлялся вчера в квартире. Осознав важность момента, Матвей старательно доложил: около трех приехал господин Донской и больше из квартиры не выходил. Около семи камердинер его ушел, вернулся через полчаса. Затем, около девяти, принесли из «Мадрида» ужин. Ну а после Лопарев вышел, сказал, что его отпустили. Вернулся поздно,

после полуночи. Иных гостей не было.

– А вы, Матвей, за черным ходом успеваете следить?

От такого обращения важного чиновника швейцар расцвел ромашкой и признался: за той дверь не следит, да и за чем? Только прислуга ходит. У каждого свой ключ имеется.

– Не случилось вчера какого-нибудь странного происшествия?

– Никак нет, все в порядке. Если что, я бы сразу городского свистнул, тут пост поблизости.

– Может, кто-то хотел проникнуть в дом через черный ход?

– Ведь правда, забыл! – Матвей с досады даже фуражку сдернул. – Вечером баба пьяная ломилась, все кричала, что здесь ее миленок-слесарь живет. Уходить подобрау не пожелала. Так я ее до канала проводил, там и отстала.

– Опишите внешность... бабы.

– Баба как баба, в платочке, водкой от нее разило, видать, на себя, дуреха, вылила чуть не бутылку. А других безобразий не было.

От души поблагодарив за ценные сведения, Ванзаров отправился на Невский проспект, где располагались конторы крупных банков. Начал с Азовско-Донского. И хоть приемный день подошел к концу, сыскной полиции не отказали в любезности. Справки навели удивительно быстро. То же было и в остальных банках.

Картина нарисовалась ясная, а показания клерков разни-

лись только в мелочах. Так, в Сибирском банке, который Родион посетил третьим, он уже сам рассказал, что происходило вчера днем. Чем добился большого удивления, как фокусник, вытягивающий из цилиндра целого слона. Но куда большее удивление, переходящее в панику, вызывала просьба тщательно изучить платежные документы. В конце концов, видя отчаяние несчастных коммерсантов, последний банк – Частный – Родион пожалел и не стал портить его управляющему мирный вечер. Пусть доживет до понедельника. Там уж деваться некуда, правда неизбежно выйдет наружу. Но тут уж и сыскная полиция не поможет.

Родион еще успел вернуться в управление и навести по телефону справки в Министерстве иностранных дел. Можно сказать, воспользовался родственными связями, но исключительно для пользы дела. Ближе к восьми вечера доложив господину Вошнину об успехах, чем вызвал крайнее изумление, Родион испросил отдельный кабинет. Начальник сыска не отдал своего, а отправил на первый этаж в Казанский участок. Коллеги снизу выделили замечательное помещение: потеки сырости на стенах и решетка на глухом оконце.

Гости проявили пунктуальность. Баронесса с Карловым безглаголиво озирались по сторонам и косились друг на друга, но недовольства не выказывали. А камердинер скромно держался в сторонке от господ. От имени сыскной полиции Родион поблагодарил за исполнение гражданского долга и обещал надолго не задерживать.

– Постараюсь быть кратким, – сказал он, капельку волнуясь. – Дело это загадочное, а потому долгих рассуждений не требует.

Возражений не последовало.

– Господин Донской убит таинственным образом: каменной рукавицей. Убийца известен и найден, но наказать его не представляется возможным. Он – памятник. Стоит на Воскресенском кладбище. Сошел с пьедестала, чтобы покарать соблазнителя и негодяя. На этом надо бы поставить точку. Закону не справиться с призраком и высшей справедливостью. Остается засвидетельствовать личность убитого и от имени полиции выразить вам искреннюю признательность.

Раскрыв тонкую папку дела, Родион предложил господам ознакомиться, с тем чтобы опознать жертву или отказаться от показаний. К листу машинописного текста скрепкой прижималась фотография, сделанная в морге участка. Госпожа Аловарова только взглянула, зажмурилась и шумно задышала. Было видно, как тяжело ей сдерживать волнение. И все-таки дама нашла силы поставить подпись на указанной строчке. Дмитрий Иванович насупился, но взгляда не отвел, подпись вывел чисто и аккуратно. А вот Лопарев отписался, почти не глядя.

– Теперь, когда формальности улажены, я могу быть свободна? – спросила Анна Ивановна.

Ванзаров попросил уделить ему еще несколько минут:

– Раз с убийцей вышла такая незадача, остается выяснить

кое-какие мелочи, в сущности, смятые бумажки, которые забыли выбросить.

На стол легли приходные ордера и чековая книжка «Лионского кредита».

— Попробуем выяснить, что же это такое и почему они оказались в квартире убитого.

Приглашенные насторожились. Родион продолжил:

— Представим такую историю: в банк является господин представительной внешности с чековой книжкой. Он просит выдать буквально сейчас пятнадцать тысяч рублей. Клерк объясняет, что за срочность придется удержать десять процентов. Господин соглашается: очень нужны деньги, такая жизненная ситуация. Чек проверяется: сомнений нет, настоящий, да и гость не вызывает подозрений. Кассир, обрадованный выгодной сделкой, от которой и ему перепадет, отсчитывает тринадцать с половиной тысяч. Банк с барышом, господин получил так необходимые ему средства. Кажется, все счастливы. Но что-то мешает наслаждаться всеобщим благоденствием. В чем же дело?

Никто не проявил инициативы. Пришлось юному чиновнику продолжить самому:

— А дело в том, что на следующий день или чуть позже, когда банк предъявит чек к взысканию, обнаружится поразительная вещь: чековая книжка настоящая, но на ее счет положено не более ста рублей. И на те уже выстроилась очередь претендентов. Откроется горькая правда: банк нату-

рально обманули. Вместо чистой прибыли – чистый убыток. Эту классическую аферу в столице уже давно не практикуют. Нынче ее проворачивают в провинциальных лавках, представляя чек от знаменитого столичного банка. Но на этот раз тоже было придумано остроумно: чековую книжку завели в уважаемом французском банке, а чеки предъявляли в других банках. Идея талантливая, но для ее осуществления требуется солидный вид и психологический расчет.

Баронесса и Карлов всем своим видом выражали глубокое непонимание, зачем им это рассказывают. Камердинер покорно ждал, подпирая стену. Ванзаров продолжил:

– Заявиться в банк наудачу – довольно рискованно. Надо точно знать, кто из клерков поддастся на заманчивое предложение. Для этого их следует изучить заранее. Как? Как делают все клиенты: прийти в банк, поговорить об открытии вклада, о покупке облигаций или получении займа и незаметно прошупать собеседника на простые человеческие слабости: жадность и жалость. Все это требует времени – около месяца. В банки нельзя заявляться слишком часто. И еще важный момент: уж если тратить усилия, то для того, чтобы сорвать приличный куш, обманув несколько контор сразу, да так, чтобы никто не успел разобраться, в чем дело. Вчера этот день настал. Господин Донской ограбил четыре банка на пятьдесят четыре тысячи рублей. Достойная победа ума.

– Господин Ванзаров, все это, безусловно, интригующе и довольно познавательно, – сказала Аловарова, разглаживая

юбку. – Если Иван Иванович оказался жуликом, это горький урок мне, как женщине: надо осторожней выбирать друзей. Но какое отношение к его подвигам имею я? Позвольте покинуть ваше милое заведение. У меня начинает болеть голова...

– Да уж, что-то непонятное затеяли, – поддержал Карлов. – И мне пора, дома заждались. Лаурочка опять вся в слезах. Еле успокоил. Боюсь оставлять ее надолго...

Заверив, что ему потребуется буквально несколько минут, Родион сказал:

– У Донского скопилась приличная сумма. Кажется, садись в ближайший поезд и даже чемоданы не бери – с такими средствами до конца жизни можно не думать о бытовых мелочах. Но, провернув удачную операцию, Иван Иванович возвращается домой. И ведет себя странно: ожидает какого-то гостя. Впоследствии оказалось – каменного. Зачем? Почему? Такой умница, обманувший четыре банка, не может совершать необдуманных поступков. Попробуем понять его логику.

На это юному чиновнику предоставили полную свободу.

– Украденное богатство надо куда-то деть. На руках оставлять глупо – могут попросту ограбить. В банк положить нельзя. Человек, который обворовывает банки, им не доверяет. Исчезнуть – почти невозможно. Кража слишком велика, будут подняты все силы для розыска. И тогда возникает идея, как пользоваться украденным в свое удовольствие, ни-

чего не опасаясь. Что же придумал Донской?

Вопрос повис в воздухе. Могло показаться – от потери всякого интереса к истории. Господа явно скучали: Алова-рова зевнула, а Карлов демонстративно поглядывал на часы.

– Ответ простой, – сказал Родион. – Донской должен умереть, и смерть его должна подтвердить полиция. С мертвого взятки гладки. Главное, чтобы полиция была замазана по уши.

– Так кто же убил Ивана Ивановича? – с нетерпением спросила баронесса.

– Сейчас доберемся, – пообещал Ванзаров. – В гениальной голове созревает красивый план: нужен сообщник, который не знает, что его ждет. А также таинственный убийца. С этим трудностей не возникает. Сверток денег Донской привозит на кладбище, где прячет под статую рыцаря, слегка отодвигая монумент. После чего отламывает перчатку, благо камень мягкий, вроде известняка. Мститель с того света готов. Сообщник, не отличающийся умом, но крепкий физически, во всем помогает, но ничего не подозревает. Ему объясняют, что деньги лежат здесь, пока все не утихнет.

Карлов тяжело задышал:

– Душно что-то... Сердце шалит... Столько переживаний... Позвольте, выйду.

– Потерпите, уже скоро... План исполняется как по маслу. На следующий день Донского находят с разбитым до неузнаваемости лицом. То, что убит именно Иван Иванович,

сомневаться нет причин: три свидетеля, из которых один его камердинер, подтверждают личность Донского. Полиции остается ломать голову, как же погиб любвеобильный герой. И вот тут возникает вопрос: а кто же сами свидетели? Вопрос кажется глупейший: уважаемые господа, вдова-баронесса и почтенный отец семейства. Так должен был подумать каждый чиновник полиции. Он не стал бы проверять так удачно и сразу нашедшихся свидетелей. Зачем? Все же очевидно. Не правда ли, Анна Ивановна?

Госпожа Аловарова устало ответила:

– Господин Ванзаров, я не понимаю, о чем вы...

– О том, что полиции готовилась ловушка.

– В чем же ловушка, Родион Георгиевич?

– Свидетели сами явились к «телу», зачем же выяснять, кто они такие. На опознании в участке у них и документов не спросят, прямо как я. Такие уважаемые люди: вдова в черном и славный господин широкой натуры, да еще с дочкой пострадал. Даже паспорта подделывать не нужно. Еще спасибо скажут и прощения попросят за беспокойство. Когда же начнется разбирательство, выяснится, что баронесса Аловарова и господин Карлов с семьей давно находятся на отдыхе на Французской Ривьере, загранпаспорта выданы и зарегистрированы в Министерстве иностранных дел. Ловушка захлопнулась...

Ванзаров выразительно хлопнул в ладошки, словно аплодируя логике. Но его не поддержали.

– Двое опознавших тело – фальшивые свидетели. Не заметили, не проследили, дело пахнет отставками, тут выговором не обойтись. Что делать полиции? Закрывать на все глаза и стоять на своем, утверждая, что тело Донского опознано правильно. Все – нет его, умер и закопан. Не признаваться же в собственной глупости. Ловушка очень крепкая – административная. Вы были уверены, что обычный чиновник ленив и нелюбопытен, за что и поплатится. Мелкие детали и несуразности тревожили мало. Но теперь все по-другому. Сами только что подписались под своим приговором... Не надо, господа, и пытаться... На выходе дежурят городовые. Извините, вы сюда пришли по своей воле, я вас под конвоем не тащил.

– Каков гаденыш! – с некоторым восхищением заметила баронесса. Хотя и не баронесса вовсе.

– Благодарю, вернемся к деньгам, что под рыцарем лежат. Ясно, что ни дочек, ни вдов Донской не соблазнял, статуи на ужин не приглашал, да и сам призрак к нему не заявлялся. Что же случилось? Случилось заранее спланированное убийство.

– Я никого не убивала! – закричала дама.

– Анна Ивановна, пока не знаю вашего настоящего имени, у вас отменный актерский талант: сыграть пьяную бабу, чтобы поверил швейцар, дорогого стоит. Только вот баба не обольется водкой, от нее перегаром пахнуть будет. Народ эти различия тонко чувствует. Это вам на будущее. И на клад-

бище спектакль провели умело. Психологически точно поздоровались с могильщиком и отчитали его, дескать, давно здесь бываю. Но когда будете играть новую роль, старайтесь не увлекаться импровизацией. Заявили, что перстень подарен вами. Но ведь его от всей души подарил господин Карлов.

– Предупреждал же, дура... – прошипел благородный отец.

– Не стоит, господин Карлов, обижать даму. Вы, когда по банкам прогуливались, изучая клерков, слишком хорошо запомнились. Не то что госпожа Аловарова: она куда тоньше умеет с людьми общаться. Так ведь, господин Лопарев?

Камердинер сдержанно улыбнулся:

– Не могу знать-с.

– Остается вопрос... – Родион помедлил, оценивая выражения лиц: – Кто же убил Донского?.. Не желаете помочь?.. Тогда попробую я... История о том, что явился призрак и отомстил, рассыпалась в пыль. Реальны только деньги. Какой вывод напрашивается?

Желающих проявить остроту ума не нашлось. И тогда сказал Родион:

– Ответ прост и логичен: Донского не убивали.

Карлов ехидно улыбнулся:

– Неужели, господин пронырливый сыщик?

– Донской и не думал умирать. Потому что его... никогда не было. Именно он и есть настоящий призрак. Согласны,

Иван Иванович?

Камердинер равнодушно ответил:

– Меня Василием Николаевичем зовут...

– Нет ничего проще, чем убить человека, о чьем существовании известно только с чужих слов, а после смерти оставшегося без лица. Из кого же слепить такой удобный призрак?

Сообразительных не нашлось.

– Прimitивный ответ – из соучастника, обреченного стать трупом, – сам ответил Родион. – Но это сложный и утомительный маскарад, с массой непредвиденных ситуаций. Но вы, Иван Иванович, как умный и тонкий мыслитель, поняли: легче самому быть и камердинером, и Донским. Кажется невозможным? А на деле нет ничего проще: без приклеенных усов и парика общаться со швейцаром, дворником и прислугой, как Лопарев. А в светлом парике и усах кивать Матвею, иногда здороваться с соседями, как Донской. Один раз пообщаться с домовладельцем, не торгуясь, дать аванс за квартиру. За месяц никто ничего не разберет. Дольше и не надо. Не требовалось сложной маскировки: «усы плащом закрыв, а брови шляпой». Хозяина и слугу никогда не видят вместе, тем более для слуги имеется отдельная лестница. А в банках Донского вообще видят в первый и последний раз. Все было сделано мастерски, иначе не скажешь. Оставалось уничтожить призрак Донского каменной перчаткой и подтвердить его смерть. Расскажите, как дело было?

«Лопарев» демонстративно сложил руки на груди.

– Тогда я попробую... Настоящего Лопарева впустили с черной лестницы – думаю, несчастную жертву зовут именно так. Он сам принес каменную руку.

– И откуда в таких подробностях узнали? – с издевкой спросила «Анна Ивановна».

– Крошек не оказалось только в прихожей. Остальной путь гостя отмечен ими до самого ковра. Трудно поверить, что статуи имеют привычку бродить по черным лестницам. Нечего там делать каменному призраку. С черного хода заходят лишь прислуга или тайные визитеры.

– Хитер, мальчишка! – ухмыльнулся «Карлов».

Но Родион не позволил сбить себя с толку.

– Лопарев не подозревает, что его ждет, – сказал он, словно сожалея о произошедшем. – Под каким-то предлогом его просят надеть парик, перстень, наклеить усы. Когда он переодевается, оглушают перчаткой по затылку. Затем – грязная работа. Для загадочности изменено положение тела. Дальше все просто: закрыть дверь кабинета изнутри, оставив ключ в замке, выйти по черной лестнице, подождать, пока пьяная баба отвлечет швейцара, подняться в квартиру и спуститься уже в обличье слуги, которого хозяин выгнал в трактир. Мистическое преступление готово: в запертой комнате тело с каменной перчаткой. Задумано блестяще, но исполнено шероховато. Логические мелочи подвели.

– Неужели? Очень любопытно, – без иронии спросил «Ло-

парев».

– Пожалуйста, мне не жалко. Во-первых, перестарались с тарелками и бокалами: не могли они разбиться на мягком ковре. Стулья вообще никак не могли упасть. Далее: на памятнике барону Аловарову нет ни одной надписи. Кому монумент – неизвестно, а такому мху и за десять лет не вырасти. Еще нелепость: как может разъяренный отец, хорошо знающий Донского, перепутать его со мной? У нас совсем разные фигуры. Еще перестарались с гаремом. Крутя два романа с вдовушкой и дочкой Карлова, Иван Иванович физически не смог бы так разгуляться. То есть у него времени на это не хватило... Это я имел в виду... Извините...

– Да вы как в воду глядите, юноша, – безрадостно сказала «Анна Ивановна». – Хороший мальчик, скромный и воспитанный, застенчивый, даже покраснел. Ну, ничего, первая женщина от этого излечит.

– Что же до вас, госпожа баронесса и несчастный отец Карлов... – собравшись с силами, продолжил Ванзаров. – Ваши роли, быть может, главные. Кроме камердинера, должны быть посторонние свидетели, которые опознают личность. И они так вовремя появляются. Оттуда узнали? Окна кухни выходят на Екатерининский канал, удобно дать сигнал, так ведь, Иван Иванович?.. Остается установить ваши личности... Извольте назваться?

До сих пор молчаливо подпиравший стену «Лопарев» спросил:

– Зачем вам наши имена, господин Ванзаров?

– Вы правы: не особо нужны. Определим всех по картотеке антропометрического бюро. Наверняка вы там числитесь.

– У меня к вам предложение. Признаю: нам не повезло, что на загадочное убийство прибыл столь резвый молодой человек. За ошибки надо платить. Мы готовы немедленно предложить вам большую часть известной суммы. Где взять – сами знаете. Хотите тридцать тысяч? Или даже сорок... Ладно, вы умеете торговаться – пятьдесят! Этого хватит, чтобы смерть Донского осталась загадкой? Оставьте нам крохи, чтобы смогли убраться из столицы.

– Или переживаете о судьбе Лопарева? – спросила «вдовушка».

Тут даже «Карлов» не удержался от ироничной усмешки:

– Негодяй был редкостный. Мы по сравнению с ним – дети невинные. Давно его следовало...

Резким жестом камердинер пресек разговоры:

– Позвольте, господин чиновник, кое-что сказать с глазу на глаз...

Родион позволил посторонним обождать в коридоре. Не дальше. Когда они остались вдвоем, «Лопарев» подсел ближе и сказал тихо, но уверенно:

– Я сразу раскусил вас, как только увидел. Вы такой же, как я, один характер.

– И в чем же?

– Силу любите. Пусть для вас это сила логики и разума.

Не имеет значения. Мы с вами часть одной силы. Мы почти одно и то же. Знаете, что между преступником и сыщиком нет почти разницы? Знаете, что между жертвой и преступником нет различия? Вы еще думаете, что служите закону и порядку? Поймите, умный юноша, никому вы не служите, кроме своего эгоизма. Кроме собственного удовольствия видеть, как ваша сила побеждает. Думаете, мне эти деньги нужны? Я удовольствие получаю, что в скуке жизни такие истории проворачиваю, когда на одном доверии убеждаю людей мне деньги отдавать. Представляете, какое наслаждение являться перед швейцаром то слугой, то господином? И ведь он видел двух разных людей! Вот это наслаждение силы. Так же и вы от удовольствия трепетали, когда наши узлы распутывали. Что вам этот негодяй? Да ничего, пустое место. Для вас цель куда важнее причины... Ты и я – часть одной силы. Пойми, Родион, я не милости прошу, не деньги тебе предлагаю, я от будущих мучений избавлю. Будь тем, что ты есть: эгоизм – это и есть весь смысл. А эгоизм узнать истину – самый отчаянный, фаустовский. Все остальное мелочи. Ты победил. Так пользуйся своей победой заслуженно. Получай удовольствие...

Ванзаров слушал внимательно.

...Коля боялся шевельнуться, только спросил:

– Как же поступил Родион Георгиевич?

Лебедеву потребовалось что-то срочно рассмотреть за окном:

– Не знаю, он мне подробностей не докладывал. Но шуток пробежал.

Николя плотоядно облизнулся, ожидая самого интересного.

– Рано радуетесь, – Аполлон Григорьевич угрожающе откусил хвостик сигарки. – Дело загадочным образом оказалось в руках господина Воцинина. Следствие показало, что смерть Донского наступила от естественных причин. Шайку отпустили, они бесследно исчезли. Только ближе к осени в нижегородских банках появились необеспеченные чеки «Лионского кредита». Откуда взялись? Вот вопрос. И еще один: с чего это у господина Воцинина образовался домик в Крыму, дача в Финляндии и квартирка в целый этаж на Невском проспекте? Общим счетом на пятьдесят тысяч. Но ведь кто же о таком спросит...

Глубоко пораженный Гривцов только и смог выдавить:

– Не может быть...

– В полиции может быть все. Даже то, чего не может. Забыл вам щелбан отвесить.

– Да за что же щелбан?!

– За то, что не разгадал, кто убийца. Сейчас лень, но в следующий раз не спущу.

Коля подумал, что еще неизвестно, кто раньше догадается, но благоразумно смолчал. Хороший мальчик. Умный. Далеко пойдет.

– Ну как, мой юный коллега, еще разок сыграем?

– Обязательно!

– Ставка удваивается.

– Принимаю!

– Значит, дело был так... – начал Аполлон Григорьевич с лентой.

Пир чумы

В столице империи обитают существа, наглости которых позавидует любая разведка. Даже англичане отойдут в сторонку и снимут шляпы в знак глубокого почтения. Маскируются они под заботливых матушек, трепетных тетушек и вообще добрейших кумушек, единственная цель которых – составить счастье обожаемых дочек, внучек, племянниц или просто знакомых барышень. Страшные создания имеют одну цель, но добиваются ее с такой хитростью, какой не встретишь в международной политике. А все потому, что ими движет любовь, вернее, неумное желание как можно скорее увидеть чадо в законном браке, чтобы потом с утроенной силой взяться за грядущие поколения.

Интриганки времени даром не теряют. Между дачным и зимним сезоном слишком мало времени, чтобы козни увенчались успехом. Еще гремят рождественские праздники, а матушки уже строят заговоры, целью которых весенние свадьбы, лучше всего – на Красную горку². Как только закончится Великий пост, они собирают урожай. Надо непременно успеть выдать дочурку замуж до мая. Все матушки знают, что для будущего счастья жениться в мае ни в коем случае нельзя, иначе весь век маяться будешь. Ни от чего другого

² Первое воскресенье после Пасхи.

семейное счастье так не зависит, кроме как от правильной даты свадьбы, само собой. И вот сразу после Пасхи начинается свадебный бум. Трудное и тяжкое время для всех мыслящих и свободных личностей. Вроде нас с вами.

Петербург погружается в белое безумие. В витринах магазинов дамского платья и швейных мастерских выставлены манекены в свадебных нарядах, в кондитерских лавках красуются пирамиды свадебных тортов, в цветочных – не протолкнуться от свадебных букетов. По улицам носятся барышни-невесты с таким серьезным выражением лица, словно не замуж собрались, а строят крейсер или летят на Луну. А всего-то дел: успеть на примерку к модистке да обсудить с подругами, какого цвета ленты украсят свадебный стол. Кажется, весь город забыл про важные дела, чтобы предаться свадебному загулу.

Среди этой вакханалии совершенно незаметны скромные герои. Невинные жертвы уже попросили у избранниц руку и сердце и теперь покорно ожидают своей участи: их оденут, причешут, припудрят и поведут под венец. И вот жмутся ягнята друг к дружке с глазами, полными тоски, ожидая своей участи. Слезы наворачиваются и капаят, горькие, прямо на свадебный фрак. Делать нечего, надо жениться.

Но перед тем, как свобода будет потеряна и молодого человека повяжут цепями, ему дается законный шанс проститься с холостой жизнью так, чтобы было что вспоминать унылыми семейными вечерами. Невесты канун свадьбы про-

водят в нервном ожидании, готовя прически и наглаживая проклятые оборки, а их женихи не теряют времени даром, прожигая его со свистом. То есть устраивают приятельские посиделки, именуемые мальчишником. И хотя звучат поздравительные тосты и на будущего мужа сыплются добрые пожелания, все знают: так беззаботно они пируют последний раз. Чтоб загасить горечь – не жалеют шампанского и более крепких напитков, и мало кто после проводов способен на своих конечностях добраться до дома. Некоторых, самых отчаянных, под венец почти несут. Так и начинается семейное счастье: в легком угаре и похмельном мираже.

Этим вечером в знаменитом ресторане «Пивато», что на Большой Морской улице, гуляли прощание со свободой. Компания старых друзей, сплоченная студенческими годами, обмывала товарища, которому завтра суждено неминуемое. Жених уверял, что обожает избранницу, руку ее просил в здравом уме, но все знали, хоть не говорили вслух: парня окрутили да купили за хорошее приданое. Ну какие доходы у скромного адъюнкта кафедры классических древностей. А тут – солидный куш, купеческий капитал. Прочная основа для научных занятий и построения профессорской карьеры.

Провозглашались тосты на древнегреческом и классической латыни, по-гусарски бились фужеры, пустые бутылки немедленно заменялись полными. Стол ломился от разнообразных вин, портвейнов и наливок. Но Ванзаров пил водку. Потому что понимал в ней толк. Кажется, в столь юном

возрасте неприлично употреблять грубый напиток, и вообще чиновнику сыскной полиции, можно сказать – коллежскому секретарю, стоило бы разбираться в винах, для карьеры пригодится. Да, господа и дамы, стоило бы.

Но Родион не разбирался, а пил водку.

Крепкое, хоть юное тело легко справлялось с градусами, тем более закуской можно было накормить университет. Он хмелел незаметно и плавно, надеясь, что поймает момент, когда пора остановиться.

Момент случился без предупреждения.

Очередная рюмка заискрилась брильянтовым блеском, окружающее подернулось дымкой, а милые лица приятелей слегка расплылись. Родион отодвинул хрусталь и решительно заехал локтем в бок соседу, а заодно сердечному другу Тухову-Юшочкину по кличке Тухля. От меткого удара рука Андрея Юрьевича, державшая бокал, дернулась, и на соседа справа выплеснулось вино. Но тот даже не заметил, потому что спал на плече своего соседа справа. А что вы хотите: шел третий час мальчишника. Не замечая произведенных разрушений, Родион строго погрозил другу пальцем, с которого слетел остаток салата, и не менее строгим тоном сказал:

– Тухля, тебе надо пр... пр... ве... тр... ся... Не... не... м-е-д-л-н-о... Следуй за мной.

Трудные и длинные слова юному чиновнику не давались. Но друг понял, на то и друг, и помог подняться, опрокинув лишь тарелку, да и то на свои штаны. Справиться с ванза-

ровским телом мог человек недюжинной физической силы, но Тухля был упитан настолько, что рядом с ним и Родион казался тростинкой.

Приятели кое-как, но без помощи официантов, добрались до прохладного местечка, где ресторан разбежался на разные залы. Ощувив твердость стены, Родион преисполнился спокойствия.

– Закурим? – спросил он и загадочно подмигнул.

Попытавшись привести в порядок прическу, от чего ей стало только хуже, Тухля напомнил:

– Пухля, ты же не куришь.

Такое обращение Ванзаров терпел только от одного человека на свете, вместе с которым прожил лучшие годы юности.

– Ладно, – согласился он. – Тогда выпьем. За логику и истину.

Тухля предложение поддержал и, проверив, крепко ли друг подпирает стену, отправился к столу.

Родион прикрыл глаза. Перед мысленным взором крутились разноцветные кольца, взлетали и лопались яркие шары. В общем, момент невозврата пропущен окончательно. Но было удивительно хорошо и весело. И тут до слуха дошел невнятный разговор, из которого прояснилась фраза:

– Теперь он за все расплатится! Пусть сдохнет, гадина.

Как ни был Ванзаров не в себе, но упустить такое не мог. Осторожно перевалившись, заглянул за край ниши. С другой

стороны было пусто. Голос тихий, женский, и он, пожалуй, смог бы его узнать. Если еще раз услышит. Тут как раз вернулся Тухля с бокалами шампанского и потребовал от друга, не вполне владевшего языком, блеснуть тостом.

Родион попытался напомнить, что шампанского не пьет, но друг был уверен в обратном. И Родион поддался. Вернее – согласился. Удерживая бокал и притянув к себе голову Тухли, он прошептал в самое ухо:

– Зесь зат... зате... вьется что-то недоброе...

– Что? – искренно удивился тот.

– Уб...ст...во.

Недаром Тухля изучал древние и мертвые языки, чтобы понять живого друга.

– Кого убивают? – поинтересовался он.

– Не знаю. Но женщина...

– О, брат Пухля! Скажу тебе одно: женщины – это чума!

– Чума на оба ваши дома?

– Нет, это из другой оперы. Женщина – просто чума. С большой буквы Жэ, то есть Че. Однозначно. Это я тебе говорю.

Столь авторитетному мнению можно было доверять. Обладая негероической внешностью, Тухля тем не менее умудрялся сражать барышень каким-то загадочным обаянием. Его многочисленные романы гремели на весь университет, пока он сам не загремел под венец с божественной Юленькой, его обожаемой женой и строгой хозяйкой дома.

Родион с большим интересом поддержал бы столь волнующую тему, но тут за стеной опять начался невнятный разговор. На этот раз отчетливо прозвучало: «Ну теперь я его достану и прикончу, непременно, можешь мне поверить». Стремительно, как мог в такой непростой ситуации, Ванзаров высунулся из укрытия, но наткнулся на пробежавшего официанта. Тот, что произнес угрозу, исчез в ближайшем зале. Но голос, молодой и звонкий, и интонация в памяти остались.

– Тухля, пой... нет, по...мяни мое слово: затевается пр... пр... с-с-с...тупление.

Друг готов был поверить во что угодно.

– Предлагаю тост: за женщин! – заявил он, поднимая бокал.

– «Бокалы пеним дружно мы...» – выговорил Родион.

Тухля подхватил энергично:

– «И девы-розы пьем дыхание...»

Закончили хором:

– «Быть может, полное Чумы!»

– За чуму! – провозгласил Ванзаров.

– За чуму! За женщин! Ура! – вступил Тухля и одним махом опрокинул шампанское.

Зажмурившись, Родион влил в себя мерзкий напиток, коловший горло иголками. Как и полагается, хряпнув бокал об пол, Тухля полез обниматься. Задушенный объятиями, Родион опять слышал отголоски постороннего разговора. Те-

перь солидный мужской голос обещал:

— Я этого подлеца мышьяком прикончу, никуда не денется...

Заметить преступника мешала туша друга. Пока Родион отодвигал Тухлю, пока огибал край стены, неизвестный растворился в пространствах ресторана.

Из зала, где мальчишник набирал обороты, донесся взрыв хохота. Пропустить самое интересное было преступно. Друзья, поддерживая друг друга, вернулись в компанию. Как раз вовремя. Приват-доцент Гемц, специалист по Цицерону, запрыгнув на стол, изображал гориллу в порыве страсти. Тонко и деликатно намекая на супружеские обязанности в брачную ночь. Чтобы жених смог оценить шутку, его приподняли из тарелки, в которую он прилег, удерживая за падающий подбородок.

На мгновение к Родиону вернулось просветление. Трезвыми глазами он увидел, что происходит, заметил Тухлю, который прыгал на одной ножке и вопил дикарским воем, и все прочее. Но тут и его увлекло всеобщее веселье. Даже официанты, с мудрым спокойствием наблюдавшие за кутежом мальчишек, казались милыми и смешными.

Из омута загула Ванзаров вынырнул, словно лосось из стремнины. Что-то случилось. Он не мог понять причины беспокойства, звеневшей тонким колокольчиком. Кажется, все хорошо: друзья юности пребывали на разных ступеньках, ведущих от человека к свинье. Сердечный друг Тухля отби-

вает ножом марш на соуснике... от чего фарфоровая вещь-ца пала осколками. Но не это встревожило. Официанты, еще недавно спокойные, как фонарные столбы, засуетились. Кое-как повернув неподатливую шею, Родион заметил, что спешат они в одном направлении. Чутье сыщика, даже набравшегося по самое горлышко, протрубило сигнал «подъем». С трудом он привстал и потребовал себе в ординарцы Тухлю.

– Веди... – было указано направление.

Тухля искренно не понял, зачем оставлять веселье.

– Там случилось пр... прс... ну, ты понял...

– Да какое преступление в ресторане! – заявил легкомысленный друг.

– Убийство, – твердо сказал Родион и как-то сам в это поверил.

– Давай лучше выпьем...

– Нет, долг зовет... Спорим, я рас... рас... крою это пр... пр... тьфу, ну, ты понял, за сутки?

Тухля оживился и спросил, каковы ставки.

– Если проиграешь, а ты проиграешь, то лезешь на памятник и прокукарекаешь полдень, – ответил Родион.

– А если проиграешь ты?

Такое в планы не входило, но играть надо честно, спортивный дух, *faire play* и прочая ерунда. Он согласился принять ответную ставку.

– Сорвешь фуражку с городского и убежишь, – сказал Тухля и мстительно добавил: – Причем у того, которого я

укажу.

Вообще споры образованных людей, интеллектуалов то есть, сразу отличишь по тонкости и оригинальности. Как же иначе. Договор был скреплен рукопожатием, и Родион устремился к славе или бесчестию. Или кого там на щите приносили? Ну, не в этом дело...

Плотная толпа официантов собралась в уютном холле, где гости могли передохнуть от застолья или выкурить папироску-другую, не смущая дам. В простенках между высокими окнами, полуприкрытыми драпировками, стояли разлапистые пальмы. Родион решительно двинулся в самую гущу толпы и потребовал его немедленно пропустить. Но вместо грозного заявления его губы смогли издать нечто шипящее и свистящее.

– Сыскная полиция, – добродушно перевел Тухля. – Пропустите...

Официанты видали полицию и прочих важных чинов и не в таком состоянии. Но этот мальчик, еле державшийся на ногах, не вызывал почтения. Скорее всего, обормот допил-ся, вот и куражится. Никто не шевельнулся. Неподчинение представителю власти глубоко обидело Родиона. Он понял, что со дна души его поднимается нечто решительное и героическое, зовущее на подвиги. Рванув край пиджака так, что стало на пуговицу меньше, мальчишка предъявил зеленую книжицу Департамента полиции и грозно потряс ею не хуже Прометея, несущего огонь людям. Или кто там у богов чего

украд с Олимпа? Ну, неважно... Тут уж никакой официант не устоит. Расступившись, обслуга пропустила героя нашего времени.

Твердость шага обеспечивала поддержка Тухли. Родион промаршировал сквозь строй черно-белых личностей и попал в джунгли. Пальмовые ветки лезли в лицо и кололись, и это приводило в ярость. Он стал биться и, наконец разгорячившись не на шутку, крикнул:

– Шашку мне!

Родион находился в таком поднятии духа, что запросто мог воззвать к еще большей глупости, хоть: «долей самодержавие!», хоть: «всех топить в нужнике!». К счастью, Тухля отвел в сторону веточку пальмы, от греха подальше.

Кое-как обойдя массивные кресла, в которых так удобно убивать время, Родион обнаружил в одном из них привольно развалившегося господина в смокинге. Одна рука господина свешивалась плетью, зато другая мирно лежала вдоль тела. Могло показаться, что господин дремлет, но смущали неподвижные остекленевшие глаза и струйка крови, красной змейкой сползшая из носа до верхней пуговицы.

Издав победно-торжествующее мычание, Родион оглянулся на друга. Но Тухля благоразумно удалился за спины официантов. Лишившись точки опоры, юный сыщик вынужден был ухватиться за край кресла и, глядя на официантов, строго приказал:

– Опц... упс... оц... оце... пить все... Для увольнения...

установления... уста... новления личности жертвы...

– Что его устанавливать, – ответил кто-то из толпы.

– Знаете личность уб...уб... трупа? – строго спросил Родион.

Наперебой полетели подсказки:

– Чего там знать...

– Жених со свадьбы. Из малого зала...

– Ихним уже сказали...

– Где этот зал?! – опять-таки грозно спросил Родион и взмахнул так, будто ему уже вручили шашку.

Юного полицейского приняли под локотки и довели до распахнутых дверей. Середину овального зала, предназначенного для дружеских застолий, занимал стол в праздничном убранстве. Во главе его сидела невеста. Она, не мигая, уставилась куда-то в центр стола. Над ней хлопотала дама в ослепительно обнаженном наряде, утешая и обмахивая веером. Справа от невесты расположился дородный господин, занятый рюмкой водки. Рядом с ним молодой человек катал по скатерти хлебный шарик. На другой стороне стола сидела пожилая дама в черном, а рядом с ней две барышни, тоже в черном. Поблизости притихла парочка гостей.

На мгновение Родион взглянул на происходящее как бы со стороны: пьяный юнец врывается на чью-то свадьбу, чтобы... Дальше Родион четко не знал, что он должен делать. Но что-то – обязан. А потому, обведя строжайшим взглядом гостей, взиравших на него с изумлением, потребовал всех

арестовать до выяснения личностей. Отдельные междометия переводил верный Тухля.

– Там господина полицейского просят, – доложил официант в вежливом поклоне.

Развернувшись, как груженная баржа, Родион отправился к креслам. И чуть не снес господина в строгом сюртуке с докторским саквояжем. Действительно, это оказался доктор, вызванный на подмогу. Но подмога опоздала. Он только спросил, отчего господин полицейский решил, что здесь произошло убийство.

Иронически усмехнувшись, Родион указал на струйку крови.

– Ничего необычного при апоплексическом ударе, – пояснил доктор Штольц. – Смерть от естественных причин. Все признаки налицо. Молодой человек переволновался, выпил лишнего, сосудик слабый лопнул – и конец. На каждой десятой свадьбе подобное происходит. Готов дать заключение, а тело можно отправлять в морг.

– Это убийство, – обиделся Родион.

– С чего взяли? Самый обычный удар.

– А, так вы сообщник убийцы? Задержаны до выяснения личности!

Штольц только плечами пожал:

– Делайте что хотите, молодой человек. Но в таком состоянии вам лучше отправиться домой.

– У меня самое нормальное состояние! Тут вам не... это,

как его... А это... ну, пыскная солиция... Вот именно! Тепло доставить не в морг... а в морг 3-го Казанского участка. Пусть там лежит на полочке, пока я тут с убийцами разберусь... Вот шайка собралась! Тухля, за мной!

Забыв, что он собирался арестовать доктора, Ванзаров направился в обеденный зал, где потребовал лист бумаги. И принялся записывать фамилии и адреса задержанных. Он бы и дальше решительным образом вел розыск, но ощутил, что окружающий мир расплывается перед глазами.

Ванзаров очнулся оттого, что во рту свирепствовала песчаная буря. Организм требовал влаги, и немедленно. Сквозь щелку век, тоже покрытых слоем песка, пробивался слабый утренний свет. Напротив развалилась туша подозрительно знакомых очертаний. Последние сомнения рассеяли музыкальный храп. Тухля умудрился спать головой на ковре, а ногами на подушке. Оглядевшись, Родион обнаружил, что спал в одежде и на пиджаке не хватало пуговицы. Где находится, он понял, но как сюда попал – загадка. Обычно для стимуляции мыслей неплохо подходит процедура «почесать затылок». Что Родион и проделал.

И в этот миг вспомнил все.

Каким героем вчера он выступил, и что творил, и как показал себя во всей красе. Обжигающее чувство стыда, от которого некуда деться и спрятаться, обожгло нестерпимо. Родион смотрел на себя вчерашнего и не мог понять, как сумел достичь таких высот падения. Что натворил! А что он го-

ворил людям! Позор несмываемый. И не послушал доктора – ведь сказали же ему, что смерть от естественных причин. Еще этот спор с Тухлей. Ведь, подлец, заставит его держать слово, придется красть у городского фуражку. А если узнают о его художествах в сыскной – все, конец карьере сыщика. Отправят гнить в канцелярию. Боже, как стыдно! Столько дров наломать, просто какая-то чума!

Казнясь и кляня себя, Родион выкарабкался с дивана и поплелся в столовую. Расположение комнат в этом доме он знал, как в своем. Но улизнуть потихоньку не удалось. В столовой уже ждала Юленька с приготовленным завтраком. Выражение лица у нее было таким страдальчески-прощающим, что захотелось немедленно удавиться.

– Доброе утро, Родион Георгиевич, – сказала она ласково и печально. Как умеют только женщины. Вернее, не женщины, а жены. Ну, вы поняли...

– Я... это... ну, да... то есть... Доброе... – пробормотал он в ответ.

Пожар стыда только усилился.

Чтобы его залить, мудрая Юленька подвинула чашу, полную ледяной воды. Родион припал и благодарно забулькал. Его попросили присесть.

– Ванзаров, ты все еще кажешься умным человеком, – сказал Юленька таким мягким тоном, что ничего хорошего ждать не приходилось. – Хотя прилагаешь немало усилий, чтобы в этом усомнились.

– Бульк? – спросил Родион и тут же схватился за рот.

– Да, именно: сомневаюсь. Но пока остались крохи надежды на твои умственные возможности, объясни мне: что вы за люди такие – мужчины...

Бывшего студента кафедры классических древностей так и подмывало ответить хлестко и мудро, нечто вроде: «*Homo sun: humani nihil a me alienum puto*»³. Но лик Юленьки не располагал к крылатым выражениям. Вернее – подрезал им крылья. Да и язык наверняка не осилит столько латинских слов. Интуиция подсказывала, что мальчикам лучше помалкивать. Хозяйка дома между тем продолжила:

– ...Когда из таких бесполезных, омерзительных и пустых личностей, как ты и твой дружок, к несчастью – мой муж, женщина хочет сделать хоть что-то путное, человекоподобное, женив на себе, почему вы не радуетесь, а предаетесь чудовищному пьянству? Почему опускаетесь до животного ничтожества? Как это объяснить?

Отмалчивался Родион не потому, что не знал ответов. Он резонно опасался получить по лбу, например близким половником. У Юленьки рука тяжелая, а нервы слабые. Не то что у сыскной полиции.

Бульк... Ой, пардон...

– Скажи мне, как можно было назюзиться до такого состояния, чтобы преподавателя латинской кафедры и вашего общего друга Макарского официанты нашли под столом и

³ Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо (*лат.*).

доставили на извозчике? И это как же надо потерять человеческое обличье? Почему именно накануне главного события в его ничтожной жизни!

Пришлось смолчать. Что-то подсказывало, что в ответ можно получить историю с подробностями, как доставили домой два других бездыханных тела.

Юленька еще бы оттачивала на несчастном чиновнике свой пыл, но тут в дверях показалось упитанное привидение. И все внимание чумы досталось супругу. Родион попятился к выходу. Внимательно слушая попреки, Тухля самым наглым образом показал, как сдирает с головы воображаемую фуражку. Вот ведь гад, все помнит. Не выкрутиться.

Хождения по мукам не кончились, все только начиналось.

Казанский участок встретил появление коллежского секретаря как выход знаменитого комика. Присутствующие чиновники растянули физиономии в благодетельных улыбках, при этом шушукаясь и обмениваясь замечаниями. И даже городовые позволили себе ухмыляться в усы, а самые дерзкие так и вовсе хихикали в кулак. В общем, слава пришла, но была она несколько вызывающего толка, и еще неизвестно, чем закончится: лавровые венки, ордена или похвала начальства вряд ли ожидали в обозримом будущем. Родион же, стараясь не смотреть в глаза, пробурчал приветствие и стремительно покинул дежурную часть. Как только его спина скрылась в коридорчике, разразились бурные восторги и даже хохот. Обсуждали каждую мелочь: от оторванной пуговицы до за-

паха перегара, ощущаемого на расстоянии. И пришли к общему мнению: мальчишке достанется на орехи.

Сам же герой народной любви уже стучался к доктору Белкину в медицинскую участка.

– Открыто, входите, кому не лень! – крикнули ему.

Старый доктор Белкин, измученный жизнью и воспитанием жены, пребывал в том счастливом мнении об окружающей действительности, которое спасает от любых невзгод. Он искренно верил, что не может быть так плохо, чтобы не было еще хуже. А потому надо радоваться даже тому, что для радости не предназначено. Например, красивому трупу, падению господина пристава, зацепившегося за порог, или майской грозе. Сохраняя неистребимый оптимизм в душе, Иван Петрович был скуп на эмоции и относился к окружающим как к неизбежному злу, с которым ничего не поделаешь, а потому надо терпеть. Все равно попадут когда-нибудь в его морг. А не в его, так и тоже неплохо. К явившемуся поутру юнцу он не испытывал особых симпатий, но и дураком не считал, в отличие от прочих коллег. А потому наградил вполне искренней улыбкой.

Родион кое-как поздоровался и совсем смутился, не зная, как начать разговор. Доктор пришел ему на помощь, потому что не любил людских страданий без меры, а мучениями юноши уже наслаждался:

– За вчерашним трупом, голубчик?

Ванзаров благодарно согласился.

– Так его давно нет.

– Как же нет? Его что, потеряли?

Понимая состояние мальчишки, а точнее – ощущая ароматы, исходящие от него, Белкин ввел в обстоятельства.

...Рано утром, когда господин пристав прибыл в участок, ему сразу доложили, что в мертвецкую доставлен свежий труп. Капитан Минюхин осведомился, по чьему распоряжению доставлен гостинец. Оказалось, что это счастье получено стараниями господина Ванзарова. Более того, имеется заключение доктора Штольца, который осматривал тело и признал, что покойный скончался от апоплексического удара, а также частная записка о безобразном поведении чиновника полиции. Тут уж Михаил Васильевич, рассвирепев, как бывший капитан армейской пехоты, топал ногами так, что если бы не первый этаж – точно пробил бы пол. Наоравшись, пристав приказал убрать немедленно «дохлятину» туда, где ей место, а именно – в морг Мариинской больницы. Ретивому же сотруднику сыска было обещано столько бед, что до старости хватит. Приказ Минюхина был исполнен тотчас. Тело с заключением Штольца отправили в недолгий путь.

Такого оборота Ванзаров не ожидал. Мало того что теперь невозможно завести дело, так и труп никто не примет к исследованию. Посмотрят на заключение и засунут куда подальше. Все, нет теперь криминалистической экспертизы и не узнаешь, был ли отравлен несчастный. Тут только Родион сообразил, что не знает, как зовут убитого.

Наблюдая страдания, которые отражались на полноватом лице Родиона, Белкин спросил:

– И на что же вы рассчитывали? Заключение составлено грамотно, Штольц известный доктор, ошибки быть не может.

– Значит, убийства не было? – спросил Родион в полном отчаянии.

– А вы как думали?

– Мне показалось... вернее, я слышал... Я думаю, что его все же убили. Извините, а как труп звали? То есть пострадавшего?

Иван Петрович неодобрительно покачал головой:

– Ай, как нехорошо. Не то плохо, что пьете, а то плохо, что пить не умеете, молодой человек. В работе полицейского это одно из главных умений. Ладно уж, не унывайте, сами были такими... Судя по протоколу Штольца, погибшего звали Вальсинов Ульян Семенович, сорока лет отроду, мещанин. Но почему же вы решили, что его убили? Наружных следов – никаких. Все признаки разрыва сосуда в мозгу.

Не мог Родион признаться, что из-за спора с Тухлей ему отступать некуда, а потому вынужден был изворачиваться:

– Свадьба была странная, словно поминки. Женщины в черных платьях, ни веселья на лицах... Ну, уверен я, что его убили. Может, отравление?

– Возможно. Но этого мы не узнаем никогда.

– Ничего больше придумать не могу...

– Придумать сложно, если бы не эта штуковина... – сказал

Белкин и указал на корытце, какое используют хирурги. По стальному днищу звонко перекатывался сплюснутый шарик. Назначение его было столь же очевидным, как и невероятным. Из вежливости Родион все же спросил, что это такое.

– Пуля, – сказал Иван Петрович. – Очень мелкого калибра, кажется, три или четыре миллиметра в диаметре. Никогда не догадаетесь, где ее нашел.

Родион и попробовать не пытался.

– Положил я свежака на стол, вижу, что с одеждой возни много, разрезать да снимать, – приободрился Белкин. – Думаю, дай проверю, отчего из носа кровь пошла. Беру тонкие щипцы – и в носовую полость. Чувствую – стенки нет. Прохожу дальше, уже в лобную долю, и тут натываюсь на что-то твердое. Как вам известно, в мозгах ничего твердого нет, одни мысли. Потому нащупываю и аккуратно тяну. Засело плотно. Не выходит, пришлось дернуть, и вот – пожалуйста. Как вынул, тут уж эти прибежали с криками. Еле успел сохранить. Нашему приставу лишнее убийство ни к чему.

– Как же пуля попала в мозг? – слегка опешил Родион. – Не вдохнул же он ее?

– Разумеется, через нос. Причем ствол засунули прямо в ноздрю. Внутри – отчетливый пороховой след.

Вывод совершенно нереальный: в людном месте, при множестве свидетелей кто-то засовывает пистолет в нос жениху – пусть крохотный, но пистолет. А ведь в ноздрю еще попасть надо. При этом Вальсинов не сопротивляется и не зовет на

помощь, а ждет, пока ствол не окажется в нужном положении: пуля должна войти под очень острым углом. После чего принимает выстрел и тихо гибнет. Никто ничего не слышит и не видит. Абсурд. Но пулька упрямо выставляла полированные бока.

– Хотя и маленькая, но при таком попадании достаточная. Жертве разорвало сосуды, как при внезапном апоплексическом ударе. В этом Штольц был прав. Он же череп не вскрывал. Да и никто из гражданских не проявил такой внимательности. Если бы труп к нам не доставили... То, что я обнаружил, – чистая случайность. Обычно никто не начинает осмотр с носа...

Родиону потребовалась минутная пауза, чтобы оценить ситуацию: не может открыть дело, но обязан найти преступника хотя бы для того, чтобы выиграть спор. А то, что дела нет, никто ведь не знает. Придется блефовать. Но для очистки совести спросил:

– Иван Петрович, а что за оружие такого размера? Какой марки пистолет?

Доктор задумчиво покатал пульку по судку, от чего раздался довольно мерзкий скрежет.

– Поверите ли, юноша, ума не приложу. Даже для дамского «браунинга» мелкоовато. Что-то экзотическое или самодельное. Не силен я в оружии. Тут нужен криминалист.

Поблагодарив милейшего Белкина, оказавшегося столь внимательным, Родион направился в «Пивато».

Кажется, сегодня его появление производило фурор везде. Официанты затихли, а к дорогому гостю выбежал сам распорядитель Шабельский. Лъстиво приветствовав, сообщил, как рад видеть господина чиновника. На всякий случай Ванзаров решил делать вид, что из вчерашнего ничего не помнит. И так хуже некуда. Он хмуро сообщил, что желает осмотреть место вчерашнего происшествия.

– Разумеется! Мы не прикасались, все оставлено как было, – зашепшил Шабельский.

Несколько удивившись предусмотрительности, Родион спросил, откуда такая помощь следствию.

– Так вы же вчера приказали! Мы исполнили в точности. Следовало за себя порадоваться: во хмелю, а дело помнит. Но радоваться не хотелось, а было такое чувство, что это не конец сюрпризам.

Его с почетом препроводили к нише, где вчера было найдено тело. Одна из веток пальмы была сломана. Ванзаров внимательно осмотрел ее: возможно, это улика.

– Вы же собственноручно деревце обломали! – пояснил Шабельский.

– Так требовалось для следствия, – строго ответил Родион, хотя внутренне содрогнулся от стыда.

Тут он заметил на ковре пуговицу от мужского пиджака, собрался было и ее записать в улики, но вовремя сообразил: это же его собственная пуговица! Молча подобрав находку, он занялся креслами. Тщательный осмотр ковра, пола, штор

и даже кадки пальмы не дал ровным счетом ничего. Гильзы не оказалось. И вообще никаких следов. Заведение держали в образцовой чистоте. А вот в обеденном зале запахи оставленных блюд навевали утренний дурман. Стиснув зубы, Родион прошел в обеденный зал, обшарил скатерть, стулья и даже залез под стол. Ничего, кроме крошек и объедков, не попало. Конечно, вряд ли убийца сбросил пистолет после выстрела. Слишком полезная вещь.

Отряхнув колени, Родион попросил созвать официантов, обслуживавших свадьбу. Четыре молодца, одинаковых с лица и фрака, выстроились в шеренгу под бдительным присмотром Шабельского: как бы чего не сболтнули лишнего. И молодцы, тщательно отводя взгляды от нитки без пуговицы, а носы от выдыхаемых паров, постарались на славу: на все вопросы ответы насколько правильные, настолько и бесполезные.

Общая картина получалась ясной. Свадьба приехала без опозданий, как и заказывали: около восьми вечера. Гостей было мало, особого веселья что-то не замечалось. Официантов удивило, что никто не крикнул «горько». Молодые сидели рядом, словно чужие. Сначала краткий тост сказал отец невесты, потом мать. Гости поднимали бокалы, но пили тоже мало, в основном закусывали, и даже разговоров особых не вели. Казалось, что в воздухе висит странное напряжение. К тому же мать жениха и его сестры были в траурном платье. Честно говоря, такой свадьбы никто не припомнил.

После второй перемены блюд гости стали подниматься из-за стола. Только невеста все время оставалась на месте. Ее мать привлекала внимание сильно открытым платьем, видно, кровь горячая, все время обмахивалась веером. Наблюдательным официантам показалось, что молодая вообще не смотрела на жениха, зато бросала взгляды на юного господина рядом с ее папашей. Когда Вальсинов вышел из-за стола и как оказался в креслах – сказать не смогли, якобы внимания не обратили. Тем более спинки высокие, человека почти не видно. Да и пальма прикрывала. Пока ее не сломали.

– Кто-нибудь подходил к жениху? – спросил Родион, пропуская колкость.

Но внятного ответа не получил. Холл находится так, что из обеденного зала не видно. Те, кто обслуживал у стола, не могли видеть, что происходит там. А носившие подносы по сторонам не смотрели. Не до того. Можно считать, рядом с убитым никого не видели. Или не заметили.

– А кто первым обнаружил тело?

Признался один из молодых, назвавшись Никитой. Родион просил не жалеть подробностей. Но их нашлось немного. Пробегая в который раз с подносом, Никита заметил руку, безжизненно свесившуюся из кресла. В ресторане всякое бывает, человек может перебраться, может дурно сделаться. Никита подошел и вежливо осведомился, не нужна ли помощь. Сидевший в кресле не ответил. Тогда Никита зашел с другой стороны, увидел остекленевшие глаза да струйку крови на

манишке и сразу кинулся за помощью. Официанты быстро собрались у кресел, но близко не подходили.

– Это вы, Никита, сообщили родственникам о несчастье? Парень от этой чести отказался, передав ее метрдотелю.

– Это так полагается, – встрял Шабельский. – Сами понимаете, такая неприятность. Тут обхождение нужно. Наш Михаил Александрович от этого так перенервничал, что сегодня слег. Но если потребуется...

Родион милостиво разрешил не беспокоить, но спросил, что случилось дальше.

– А ничего, – ответил Никита. – Пока вы с приятелем не подошли.

– Неужели никто из родственников не пытался узнать, что произошло?

Оказалось, никто из гостей даже из-за стола не вышел. Как видно, боялись трупа.

– Откуда же узнали, что Вальсинов мертв?

На это Никита не нашелся, что сказать. Впрочем, как и его напарники.

Дальнейшие расспросы ни к чему не привели. Выстрела никто не слышал, а чтобы мелькнул пистолет – тем более не заметили. Что, в общем, сюрпризом не стало. Родион направился к выходу, но его придержал метрдотель:

– Господин Ванзаров, вы довольны, как вас вчера доставили, жалоб нет?

Вот, значит, какие подробности всплывают из хмельного

забытья. Все оказалось проще некуда. Господин чиновник заверил, что всем доволен. Хотя боялся сгореть со стыда.

— В таком случае закрывать нас не будете? Претензии сняты?

Боясь выяснить, чего еще накуролесил в полном беспамятстве, Родион поклялся, что ноги его не будет в «Пивато» в ближайший век. Или дольше. Выскочив на Большую Морскую улицу, он понял, что делать больше нечего. Загадка не раскрыта, и надвигается фуражка городского. Осталась крохотная зацепочка: если кто-то желал Вальсинову смерти, зачем так торопиться? Зачем убивать прямо на свадьбе, рискуя быть пойманным на месте преступления? Ответов не было. А логика молчала.

И тут, засунув руку в карман пиджака, Ванзаров обнаружил смятый листок, список присутствовавших на свадьбе гостей. Буквы наползали одна на другую, строчки шли вкривь и вкось, но фамилии и адреса разобрать можно. Напротив троих накорябаны кривые галочки. Что означают? Он не мог вспомнить. Но интуиция подсказывала начать именно с них.

Темная прихожая пропиталась душным запахом лекарств настолько, что казалось, даже обои источают аромат валерьянки с винным уксусом. К стенам жались коробка с хламом, тряпье навалено кучами, так что приходилось внимательно смотреть под ноги, а по углам волновались паруса паутины. Дух запустения и убожества прочно поселился в квартире. Бедность эта была того особого свойства, когда ею гордятся и

выставляют напоказ: дескать, смотрите, какие мы нищие, но гордые. И, высоко подняв голову, несем свою нищету. Пусть в лохмотьях, но душа наша спокойна. При этом не желают ударить палец о палец, чтобы заработать на хлеб. С такими бедными, но гордыми Родиону уже доводилось встречаться.

Его проводили в крохотную комнатенку, забитую рухлядью. Давно не стиранные занавески пропускали такой серый свет, от которого и воздух казался серым, впрочем, может быть, он был серым от пыли. В углу комнаты на дряхлом комоде устроилась девица не старше лет восемнадцати. Она не поздоровалась и вообще никак не проявила понимания, что в доме чужие. Только смотрела широко выпученными глазами. С губы медленной сосулькой спускалась густая слюна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.